

ДОБРОЕ ДЕЛО

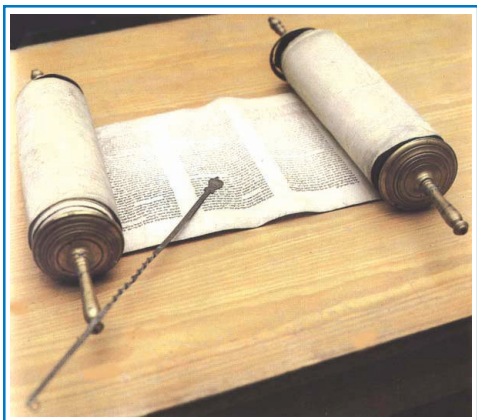
ЭЛУЛ 5770

47

АВГУСТ 2010

ГАЗЕТА БФ "ХЕСЕД ШААРЕЙ ЦИОН"
ОДЕССА

ДОРОГИЕ КЛИЕНТЫ, ВОЛОНТЕРЫ И СОТРУДНИКИ БФ "ХЕСЕД ШААРЕЙ ЦИОН"!

Наступивший месяц одаривает нас тремя большими еврейскими праздниками.

Рош-а-Шана — это праздник, в котором основное внимание уделяется личности человека. Каждый из нас в эти дни переосмысливает свои жизненные ценности, думает над тем, как исправить допущенные, к сожалению, ошибки, поскольку в начале года определится все то, что будет в конце его.

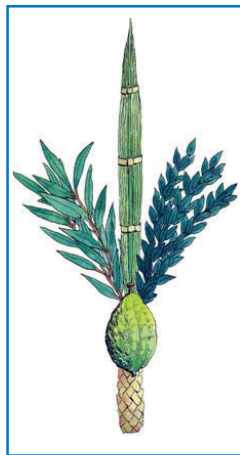
Суккот — праздник единства нашего народа. Когда мы вместе, мы составляем одно целое — дополняем, в любой ситуации поддерживаем и всегда отвечаем друг за друга. Это чувство надежности по праву дает нам причину для всемерной радости и всеобщего заслуженного веселья.

Симхат Тора — праздник завершения годичного цикла чтения Торы.

Дорогие друзья! Поздравляем вас с праздниками! Счастливого и сладкого вам Нового года! Здоровья, бодрости, добрых дел, любви, благополучия, чуткого отношения друг к другу!

Председатель Правления
Михаил Блюмберг

Генеральный директор
Анатолий Кесельман

Еврейские праздники 2 стр.

"Разве можно топтать каблукми сирень?" 3 стр.

"Девиз таланта — верить и творить" 4 стр.

В. Инбер "Место под солнцем" 5 стр.

Первый одессит 6 стр.

"Чем только не занимаются люди..." 7 стр.

М. Пойзнер "В городском саду играет..." 8 стр.

На сто лет моложе Одессы 9 стр.

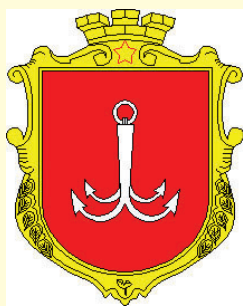
Б. Веприк "Случай в конторе Грубера" 9 стр.

С. Липкин "Записки жильца" 10 стр.

Страна Поэзия 11 стр.

Улыбка 12 стр.

День города - 2010

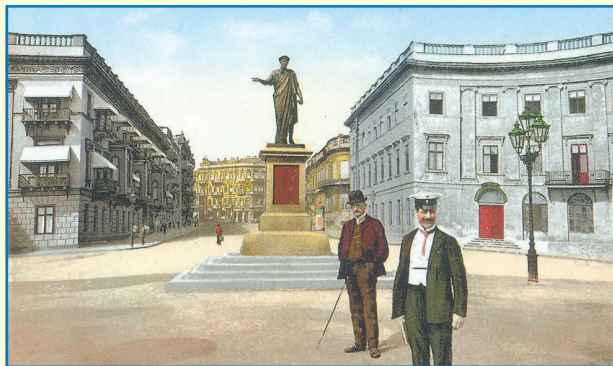

2 сентября — 216-я годовщина основания Одессы

Взятие крепости Хаджибей. «В 4-м часу пополудни на 14 число Сентября генерал-майор де Рибас повел войска на приступ. На левой стороне полковник Хвостов под картечными выстрелами с флота неприятельского, перейдя овраг (ныне Военный спуск. — Ред.) ...поспешил, не ожидая правого своего фланга, поставить первую лестницу, за которую и другие тотчас приставлены, и, невзирая на жестокий пушечный и ружейный огонь со стен и с флота, менее четверти часа левая сторона замка занята; вскоре овладели и всем замком». **Реляция о взятии Хаджибея. Сентябрь 1789 г.**

Основание города. «Нашему Вице-Адмиралу де Рибасу. Уважая выгодное положение Хаджибея при Черном море и сопряженные с оным пользы, признали Мы нужным устроить тамо военную гавань купно с купеческой пристанью... Придав в пособие вам Инженерного Подполковника де Волана, коего представленный план пристани и города Хаджибея утвердив, повелеваем приступить, не теряя времени, к возможному и постепенному произведению оного в действие». **Рескрипт Екатерины II от 27 мая 1794 г.**

Переименование города. Официальный документ о переименовании Хаджибея в Одессу ни в одном архиве до сих пор не найден. Но 10 января 1795 года в заглавии Высочайше утвержденного штата запасного военного магазина впервые появилось название Одессы: "Штат для учреждения в Екатеринославского наместничества в Одессе". И 27 января в указе об учреждении Вознесенской губернии в числе других городов уже поименована Одесса.

Рассказы о старой Одессе — на стр. 6—7

ВНИМАНИЕ!

Продолжается подписка на газету "ДОБРОЕ ДЕЛО" на 2010 год.

Подписной индекс — 09720

Телефоны БФ "Хесед Шаарей Цион":

Служба "Мокед-Лакашиш" — 73740-21; Служба "Питание" — 737-40-11;
Программа "Медицина" — 737-40-32; Культурный центр — 737-40-13;
Служба волонтеров — 737-40-24; Дневной центр — 737-40-30;
Газета "Доброе дело" — 737-40-12

9
сентября

РОШ-А-ШАНА

Еврейский праздник Рош-а-Шана отмечается в честь сотворения мира, он символизирует начало нового года и завершение года уходящего. Существует предание, что в дни Рош-а-Шана Б-г отмечает в Книге жизни, какая судьба ожидает в наступающем году каждого из людей: «...кому жить и кому умереть, кого ожидает покой, а кого — скитания, кого — благополучие, а кого — терзания, кому суждена бедность, а кому — богатство». Искренняя вера в то, что Б-г желает всем добра и благополучия, превращает этот день в праздник.

В это время евреям предписано проанализировать свои поступки за весь предшествующий год и подготовиться к начинающемуся году. Размышляя о будущем, евреи просят мира, согласия, здоровья. Звук шофара (бараний

рог) призывает: «Очнитесь те, кто дремлет, кто тратит отпущенные годы бессмысленно. Обозрите души свои и добрыми сделайте дела ваши».

Рош-а-Шана празднуется в течение двух дней, 1-го и 2-го числа еврейского месяца тишрей. В этот день дарят обязательно друг другу подарки, посылают поздравления тем, кто в праздник находится далеко.

Вся семья собирается за столом, который украшают традиционные для Рош-а-Шана праздничные блюда. Вполне естественно, что любой человек хочет, чтобы начинающийся год оказался для него хорошим, «сладким».

Шана — это празднование изобилия, когда все желают друг другу хорошего урожая. И каждое блюдо из тех, которые подаются на праздничный стол, символизирует

пожелания о том, чтобы грядущий год был хорошим.

Горькие, кислые и соленые блюда убирают куда подальше. К столу принято подавать только сладкие блюда и фрукты: мед, финики, гранаты и яблоки.

Ломоть халы — праздничной булки — нужно обмакнуть в блюдечко с медом. Это символизирует пожелание того, чтобы наступающий год был сладким. После того как съеден первый ломоть халы, берут дольку яблока и макают в мед. При этом говорят: "Дай Бог, чтобы новый год был хорошим и сладким".

Есть также обычай кушать во время праздничной трапезы кусок рыбеи или бараньей головы, говоря при этом: "Дай Б-г, чтобы мы стали в голове, а не в хвосте".

В праздник Рош-а-Шана принято также есть гранат, в котором много зернышек. При этом говорят: "Дай Бог, чтобы заслуги наши умножились, словно зернышки граната".

Фрукты — обязательная часть трапезы на Рош-а-Шана. Во время праздника над фруктами нового урожая произносят особую молитву. И в ней просят Всевышнего, чтобы он дал нам добрый год, и благодарят за то, что мы дожили до этого времени. Часто на стол подают гранаты, финики или инжир, поскольку это фрукты, которыми славится Эрец-Исраэль (земля Израиля).

Мед — очень важная составляющая меню этого праздника, и неудивительно, что на Рош-а-Шана им подслащивают многие десерты.

23
сентября

СУККОТ

Еврейский праздник кущей, Суккот, начинается на 15-й день нового года (15 тишрея) и продолжается в течение 7 дней. В этот период земледельцы, которые уже завершили сбор урожая, могут отдохнуть до начала первых дождей.

Слово «сукка», которое дало название празднику, переводится как «шатер», «шалаш», или «кущи». И символизирует оно отказ от опасной, в общем-то, иллюзии, что наш дом надежным делает крыша. Безопасность и надежность существования человека зависят совсем от других причин.

Заповеди пребывать в сукке люди разных поколений давали множество объяснений.

К примеру, говорилось, что, устанавливая около дома шалаш, евреи тем самым присоединяются к своим далеким предкам, которые сорок лет скитались по пустыне и, придя затем в Эрец-Исраэль, обрабатывали эту землю

и радовались тем плодам, которые она им дарила.

Согласно другому толкованию, смысл заповеди заключается именно в том, что человек не должен забывать о бедности, даже если он очень богатый, и не возгордиться таким своим положением.

В Суккот выполняют особый ритуал — «вознесение лулава». Лулавом называется как лист пальмы, входящий в набор из четырех растений, так и все растения, собранные вместе. Принято поднимать и благословлять все четыре вида растений, каждый из которых символизирует определенный тип людей. Этрог, который обладает и вкусом, и запахом, — это те евреи, которые знают Тору и совершают добрые дела. Лист финиковой пальмы, дающей плод сладкий, но не имеющий запаха, — это евреи, обладающие знанием Торы, но не совершающие никаких добрых дел. Мирт — само по себе растение несъедобное, но приятно

пахнущее, — это евреи, от которых, как аромат, исходят добрые дела. Ива, у которой нет ни вкуса, ни запаха, — это евреи, которые не знают Тору и не совершают добрые дела. И все-таки Б-г соединил всех в один букет — один народ, чтобы люди помогали друг другу, просвещали друг друга и отвечали друг за друга.

Согласно третьему толкованию, каждое из растений, входящих в лулав, символизирует определенную часть человеческого тела. Этрог — сердце, тонкий и прямой пальмовый лист — позвоночник, мирт с его овальными листочками — глаза, а ива — уста. Собранные вместе, они составляют человека, который всем сердцем предан своему Творцу.

В канун праздника Суккот устраивают специальные базары, где продаются этроги, лулавы, пальмовые ветви для кровли, приспособления для постройки и украшения сукки. В Государстве Израиль по всей стране можно

видеть шалашы — во дворах, в палисадниках, на балконах и верандах, даже на автомобильных стоянках. И ни одна военная база не обходится без праздничной сукки.

Сегодня уже не все постоянно живут в шалаше на протяжении семи дней праздника. Бывает так, что семья только обедает в сукке и лишь некоторые остаются там на ночь. В особенности радуются Суккоту дети, которые воспринимают этот праздник как интересное приключение.

В Государстве Израиль Суккот (так же, как и другие паломнические праздники — Песах и Шавуот) празднуется один день. После первого праздничного дня наступают так называемые полупраздники: в эти дни школьники и студенты не ходят на занятия, а на предприятиях и в учреждениях принято либо брать отпуск, либо работать половину дня.

30
сентября

СИМХАТ ТОРА

Шмини Ацерет и Симхат Тора завершают череду осенних еврейских праздников. В Торе сказано, что на восьмой день от начала праздника Суккот будет еще один отдельный, самостоятельный праздник. Его название показывает, что на восьмой день (шмини) кого-то задержали (ацерет).

Кого задержали и зачем? Приводят такой пример. Царь пригласил своих детей на семидневный пир. Когда пришло время расставания, царь сказал:

«Дети, я хочу обратиться к вам с просьбой.

Задержитесь, пожалуйста, еще на один день». Так и в Торе говорится: «На восьмой день будет у вас праздник».

Мудрецы постановили, что в этот день — Шмини Ацерет — евреи будут заканчивать ежегодный цикл чтения Торы и начинать чтение ее с начала. Так в Шмини Ацерет вошел еще один элемент — Симхат Тора — праздник завершения цикла чтения Торы. Симхат Тора в переводе означает — Радость Торы.

Тора состоит из пяти книг, из 54 «еженедельных глав», читаемых в течение всего года. В день праздника в синагогах завершается и вновь начинается годичный цикл чтения. Из ковчега вынимают свитки и семь раз проходят с ним вокруг возвышения в центре синагоги. Шествие сопровождается радостными песнями и плясками, которые продолжаются до глубокой ночи.

Начинают чтение в Шмини Ацерет и заканчивают в Шмини Ацерет. И так весь еврейский народ

поступает уже почти две тысячи лет (до этого евреи читали и изучали Тору по другой системе). Во времена существования Храма в Восьмой день совершался обряд возлияния воды на жертвенник, сопровождавшийся просьбами о даровании дождя в наступающем году.

Сегодня, начиная с Шмини Ацерет, в синагогах в течение всей зимы также читают молитву о дожде. В этот двойной праздник повсюду царят радость и веселье.

“Разве можно топтать каблуками сирень?”

Можно по-разному относиться к творчеству Александра Вертинского. Принимать его или не принимать — каждый решает для себя сам. Но его имя достойно памяти хотя бы потому, что он был одним из первых бардов нашей страны.

Увлеченные его творчеством, композитор и концертмейстер Инна Шафир и журналист Семен Вайнблат рассказали о Вертинском гостям Культурного центра. Они уже показывали программы о нем, но вернулись не случайно. В музыкальном сборнике И. Шафир “Лестницы ступени” 2008 года наряду с ее сочинениями опубликованы сложные аккомпанементы, созданные ею к мелодиям А. Вертинского “Дни бегут”, “Палестинское танго”, “Танго “Магнолия”...”

Семен Вайнблат, помимо рассказа о жизни и творчестве барда, исполнил 15 его песен и романсов, стараясь сохранить исполнительскую манеру автора.

Александр Вертинский

Слушая рассказ о Вертинском, одни вспомнили, а другие узнали, что он родился в Киеве, к пяти годам осиротел, учился скверно, был исключен из гимназии. Чтобы выжить, Вертинский продавал открытки, работал в типографии. Но бывал он на литературных собраниях учительницы гимназии Софьи Зелинской и познакомился с философом Н.Бердяевым, художниками К. Малевичем, М.Шагалом, выпитывал все услышанное. В газетах появились его первые рассказы. В 1912 году он уехал в Москву и в Театре миниатюр впервые вышел на сцену: читал пародии, получая вместо гонорара обед. “Петь я не умел, поэт был довольно скромный, композитор тем более наивный, даже нот не знал”, — вспоминал он. Тогда же в столичной газете “Русское слово” он удостоился первого отзыва: “Остроумный, жеманный Александр Вертинский”.

Вскоре он начал сниматься в кино и на съемках встретился с Верой Холодной, любовь к которой сохранил навсегда. В конце 1914 года Вертинский ушел на фронт добровольцем-санитаром, а после легкого ранения вернулся в Москву в Театр миниатюр, где у него был уже свой номер “Песенки Пьеро”. Позже он отказался от этой маски и выступал только в концертном фраке.

В начале 1920-х он покинул Россию, гастролировал в Австрии, Венгрии, Ливане, Палестине, Египте. В Германии впервые записали на граммпластинки сорок восемь его песен, в Англии—двадцать две и тридцать

в Польше. После неудачной женитьбы он жил во Франции, Америке, Китае. Эти годы подарили ему знакомство с Ф. Шаляпиным, Ч.Чапелиным, М. Дитрих, М. Пикфорд, С. Рахманиновым, Г. Гарбо.

В 1942 году он счастливо женится во второй раз на потрясающе красивой грузинке Л. Циргава, запечатленной в образе неповторимой птицы Феникс в фильме “Садко”. От этого брака у них родились две дочери, известные ныне актрисы Марианна и Анастасия Вертинские.

С конца 20-х годов Вертинский хлопочет о разрешении вернуться на Родину, но получает его только через 23 года эмиграции, в 1943 году. Его зачисляют в штат гастрольно-концертного объединения и он ежемесячно давал 20-25 концертов. В его репертуаре было более ста песен, но разрешали ему исполнять лишь тридцать.

Выступал он, в основном, в небольших городах и на каждом его концерте присутствовал цензор. После возвращения Вертинский прожил всего 14 лет, умер в Москве в 1957 году и его похоронили на Новодевичьем кладбище.

Короткий, но емкий рассказ о Вертинском органично вплелся в четко выстроенную музыкальную канву. Предваряя каждую песню, Семен Вайнблат готовил слушателей к ее восприятию. Настроивая их на прослушивание песни “Дни бегут”, он подчеркивал основной ее смысл: лишь время лечит от тоски и страданий. Говорил, что бывают в жизни минуты, когда вдруг кажется, что происходящее сейчас уже когда-то было (романс “Над розовым морем”). А когда думаешь, что жизнь кончена, может, следует просто дать понять другому человеку, что его любят, —и тогда в душе зазвучит удивительное по красоте “Танго “Магнолия”. Бывает, что обстоятельства вынуждают скрыть свою любовь от чужих недобрых глаз, — и тогда появляются “Маленький креольчик” и “Лиловый негр”, посвященные Вере Холодной.

А названия многих песен и романсов говорили сами за себя и, конечно, не нуждались в особых комментариях. Это “Ревность”, “Ты успокой меня”, “Прощальный ужин”.

Легкая ирония пронизывает такие миниатюры, как “Попугай Флобер”, “Пес Дуглас” и “Без женщин”. В заключение концерта в романсе “Среди миров” прозвучала мысль о том, что только подлинная космическая любовь приближает нас к вечности, где всегда найдется единственная “Моя звезда”.

Некоторые песни Вертинского имеют свою историю создания. Яркий пример тому “Концерт Сарасате”. В одной из своих книг А. Вертинский поведал о встрече с талантливым скрипачом, в руках которого скрипка оживала, пела, страдала или “выла, как тяжело раненный зверь”. Своим исполнением мастер пробуждал в слушателях все самое величественное и возвышенное. Но в обыденной жизни этот человек терял свой вдохновенный облик и превращался в злобное и отвратительное существо, безжалостно уничтожающее безумно любящую и все прощающую ему женщину.

Этот рассказ, живо и образно написанный Александром Вертинским, блистательно не прочитала, а прожила вместе с автором Инна Шафир, заставив пережить и нас все это, сохранив нюансы речи героев и их настроение. Это было великолепно. И великолепен был ее аккомпанемент. Чутко идя за солистом, она мягким ненавязчивым звучанием фортепиано, замедлениями и паузами способствовала более глубокому раскрытию образов героев песен и романсов.

Встреча была приятно-камерной и доверительно-откровенной. На сцене — всего два человека. Но как достойно, тонко, просто и интеллигентно провели они концерт, отдав дань памяти Александру Вертинскому — человеку с нежной и трепетной душой, который на риторический вопрос “Разве можно топтать каблуками сирень?” ответил всей своей жизнью и всем своим творчеством.

Евгения Лукьянова

Семен Вайнблат, Инна Шафир

Итак, мы начинаем!

Закончилось лето и мы открываем новый сезон в Культурном центре. Я называю это сезоном как принято в театрах и концертных организациях, потому что мы во многом схожи — концертными программами, театральными постановками, тематическими вечерами, выставками, которые всегда тепло принимаются.

Чем порадуем мы друзей-зрителей? Перво-наперво два праздничных концерта мы посвятим Роша-Шана — началу нового и завершению ушедшего года. Отметим наступающие вслед за Роша-Шана праздники Суккот и Симхат-Тора.

Выполняя пожелания Управления внутренней политики Одесского горисполкома, которые полностью совпадают с нашей душевной потребностью, мы посвятим специальную, насыщенную и разнообразную программу 130-летию со дня рождения неутомимого борца за еврейскую государственность, публициста, прозаика, поэта, драматурга, переводчика, мемуариста, Владимира (Зеева) Евгеньевича Жаботинского — нашего земляка, строки

которого об Одессе нельзя читать без спазм в горле: “Глупая вещь жизнь... только чудесная: предложи мне повторить — повторю, как была, точь-в-точь, со всеми горестями и гадостями, если можно будет опять начать с Одессы”.

Мы рады будем пригласить гостей, чтобы отдать долг памяти и поговорить о родившемся 150 лет назад Теодоре Беньямине Зееве Герцле, провозвестнике еврейского государства и создателе сионистской организации, чей портрет — единственный, который украшает зал заседаний Кнессета в Иерусалиме.

Интересной своей новизной обещает быть программа “Музыка и живопись”, подготовленная известной одесской художницей Галиной Мещеряковой.

Это, конечно же, далеко не все — сезон продолжителен, а у нас работает около двадцати кружков, клубов, студий. Будет еще много самого разного. И мы, как говорили в старину, надеемся, что вы одарите нас своим вниманием!

Руководитель Культурного центра Анна Розен

Î äãññêèå

íîâîñòè

В Одессе на Аллее Славы прошла торжественная церемония передачи Вахты Памяти. Почётные караулы школ Киевского района завершили вахту и передали её школам Малиновского района.

Согласно распоряжению Одесского городского головы 100 ветеранов — участников героической обороны Одессы получат от мэрии материальную помощь в размере по 1000 гривен.

Эдуард Гурвиц встретился с Генеральным консулом Республики Польша Веславом Мазуром. Он нанес визит в связи с окончанием своего пребывания на посту Генерального консула в Одессе. Эдуард Гурвиц отметил, что Одесса всегда дружила с польскими городами и скоро в этой стране у нас будет еще один город-побратим.

На обсуждение вынесен проект решения исполкома Одесского горсовета о внесении изменений в «Порядок размещения вывесок на территории города и анализ регуляторного влияния».

Одесский горсовет намерен провести конкурс проектов ликвидации волнорезов, установленных вдоль пляжной зоны черноморского побережья. Система берегозащиты на одесском побережье устарела и изношена. Все сооружения — волнорезы, пирсы, подпорные стены, ливнеотводящие лотки, штольни — были установлены в прибрежной зоне после крупного оползня в 1959 году, в результате которого в районе Ланжерона в море сползла часть побережья. Срок эксплуатации данной системы был рассчитан на 25 лет. За прошедшие 40 лет средства на восстановление, капитальный или текущий ремонт сооружений не выделялись ни разу. В 2005 году на ремонт берегозащиты было выделено полмиллиона гривен, но только для поддержания ее в рабочем состоянии необходимо было в 4 раза больше.

В Суворовском районе на заседании 200 лидеров общественных организаций района, создан Консультативный орган — Совет обществу. Если его работа будет успешной, такие Советы будут созданы во всех районах Одессы.

Для стимулирования творческого развития учеников распоряжением Одесского городского головы назначены стипендии имени Сергея Варламова в размере 300 грн ежемесячно пяти ученикам общеобразовательных учебных заведений.

Мэр Одессы Эдуард Гурвиц заявил, что он больше всех должен заботиться о стабильной обстановке в городе, тем более, в преддверии выборов, так как это его самая главная задача.

Одесская мэрия намерена дооснастить спасательные службы пляжей города, чтобы избежать увеличения количества несчастных случаев на воде.

Клиенты, волонтеры, сотрудники, администрация БФ “Хесед Шаарей Цион” от всей души поздравляют Анну Львовну Розен с присвоением почетного звания “Заслуженный работник культуры Украины”, желают здоровья, счастья, творческих успехов.

Девиз таланта — верить и творить

Не зря говорят, если человек талантлив, то талантлив во всем. Ну пусть не во всем, но дано ему Б-ом очень многое. Яркий пример тому — встреча с Инной Шафир и созданным ею небольшим, ярким коллективом, представившим в Культурном центре Хеседа музыкально-литературную программу "Любовь и красота".

Это музыкальная прогулка по странам и эпохам вместе с теми, кто в Украине, России, зарубежье веками создавал, отбирал и сохранял лучшее в мелодике своего народа. Создать такую программу было не просто, так как вокально-инструментальный ансамбль работает всего около года. Но помогли профессионализм и ответственность.

Одесситку Инну Фавинскую постоянные гости Культурного центра знают уже десять лет. Дочь врача и инженера, она посвятила себя музыке, окончила Одесское музыкальное училище им. К. Данькевича по классу хорового дирижирования, около тридцати лет работает в хоре нашего Оперного театра, стала лауреатом нескольких конкурсов. У нее красивое, глубокое драматическое сопрано, она с равным успехом может исполнить романсы "Стояла я і слухала весну" в обработке К. Стеценко на слова Л. Украинки, "Ночной зефир" А. Даргомыжского на слова А. Пушкина, "Сегедилью" из оперы Ж. Бизе "Кармен", арию Елены из оперетты Ж.Оффенбаха "Прекрасная Елена", лирическую песню американских авторов Г. Мансини и Д. Мерсера "Лунная река". При этом ее исполнение отличается чистотой интонации, четкостью дикции, глубоким проникновением в художественный образ.

А Лидия Шницер-Костиняк родилась в далеком Краснодарском крае, до 18 лет жила в Енакиеве, потом в Чернигове, где окончила музыкальное училище, а во Львове — консерваторию, преподавала, участвовала в концертах и конкурсах. Приехав в Одессу, была приглашена в Оперный театр на одноразовые спектакли, сейчас преподает вокал в детской музыкальной школе №5. Музыка стала главной и в ее жизни, и в жизни четверых ее детей. Обладательница нежного лирического сопрано, она прекрасно передает настроение и характер исполняемых произведений, доносит до слушателя их глубокий смысл. Профессиональное

владение голосом позволяет ей исполнять украинскую народную песню в обработке Н. Лысенко "Дощик крапає дрібненько" и немного забытую "Гандзю", а также близкий к фольклору романс А. Кос-Анатольского "Чотири воли". Прекрасно поет она также и весьма сложную арию Лауретты из оперы Д.Пуччини "Джанни Скикки" на языке оригинала.

Когда же дуэтом поют Инна и Лидия, ощущаешь целостность прекрасного. Задушевное исполнение песни "Місяць на небі" в обработке Ф. Надененко сменяется отрешенно-задумчивыми "Горными вершинами" А. Рубинштейна на слова М. Лермонтова, романсом А. Варламова "Ненаглядный ты мой", а потом тонко и точно переданным легким волнением водной глади в "Баркароле" из оперы Ж.Оффенбаха "Сказки Гофмана". Неожиданным стало исполнение ими "Дуэта двух кошечек" Д. Россини, где очаровательно-узнаваемо звучали "мярулады" обитательниц крыш итальянских домов. Как всегда талантливым было и фортепианное сопровождение всей программы, где еще раз подтвердился высокий профессионализм Инны Шафир.

Наш сильный и в то же время хрупкий мир во все времена держался и сейчас держится на почитании таких ценностей, как любовь, красота, музыка, поэзия, живопись. Постоянно изменяясь и развиваясь вместе со временем и людьми, они сопровождают каждое поколение, потому что "девиз таланта — верить и творить". И действительно: таланты верят и творят. Подтверждение тому — умело и тактично вплетенные в музыкальную ткань программы недавно написанные и изданные отдельными книжками венки сонетов Инны Шафир "Свет и тень" и "Красота" Семена Вайнבלата, которые по своей сложности являются вершиной сонетного жанра.

В последнее время постоянные гости Культурного центра обратили внимание на то, как стремительно выросло исполнительское мастерство Инны Шафир, которая читает и прозу, и поэзию. И в этой программе

она покорила слушателей блестящим, поистине художественным чтением не только своего венка сонетов, но и написанного С.Вайнблатом. Но если в ее сонетах, более приближенных к нашим будням, "жизнь интересна "полосатостью" и, несмотря ни на что в ней "владевает музыка-царица", а главным кредо является стремление в "многообразье оценить природу человеческих желаний", то в сонетах С. Вайнבלата, написанных в каноническом стиле, многие строки афористичны, отражают характер поэта, образ его жизни и мысли. Его размышления становятся как бы мыслями вслух.

Л.Шницер-Костиняк И.Фавинская

Хорошие стихи читать совсем не просто. Но если внимательно прочитать, а может, и перечитать сонеты обоих авторов, несомненно, можно что-то новое для себя открыть, что-то понять, в чем-то разобраться. А в этом и колдовство, и мудрость поэзии.

Новая программа была столь многообразной и захватывающей, что вызвала искренние отзывы А. Розен, И. Лейзерович, Ж. Михайловой, С. Яхенко, которая прочитала отрывок из своей статьи о сонетах И.Шафир, опубликованной в газете "Шомрей

Шабос". Слушатели высоко оценили выступления создателей и исполнителей, их любовь к искусству, творчеству и миру прекрасного. И здесь уместно привести строки С. Вайнבלата из его первого венка сонетов "Творчество": "Согрей и приласкай, и одари /Родных, друзей и всех, кто были рядом,/Прикосновеньем, словом, нежным взглядом. /В тебе — ты знай — огонь любви горит!"

Евгения Лукьянова

Оставив светлую память...

Она родилась в небольшом старинном городе Вознесенск, что в Николаевской области, в 1920 году. В родном городе Лиза окончила школу, потом работала в типографии. А с началом войны вместе с матерью и двумя сестрами проделала горький путь эвакуации в далекий казахстанский город Караганда. И там она тоже работала в типографии. Обычная, вроде, работа, но люди старших поколений помнят, с какой тревогой, с какой надеждой, а потом радостью вчитывались тогда в каждое слово сводок Совинформбюро.

Кончилась война, и Лиза Абрамовна Шлифко возвратилась в родной Вознесенск. А потом она вышла замуж и переехала с мужем в Одессу, профессию менять не стала и до самой пенсии работала в типографии. Прошло время, пришли болезни, а со смертью мужа наступило одиночество, поскольку детей у нее не было. Она была, как говорят медики, ограниченно подвижна и все время вынуждена была проводить в своей однокомнатной квартире наедине с воспоминаниями. Заходили, делились проблемами и заботами соседи, которые уважали Лизу Абрамовну и всегда прислушивались к ее советам, упоая на жизненный опыт и ее житейскую мудрость.

Нелегкую жизнь Лизы Абрамовны много лет скрашивала разнообразная помощь Хеседа: уход на дому, доставка продуктов и медикаментов, консультации врачей, услуги службы "Мокед-Лакашиш". И общение с кураторами, что для одинокого человека было жизненной необходимостью. С ней легко и приятно было общаться, покоряла она своей добротой, отзывчивостью, благодарностью. И когда она говорила куратору, что даже не представляет себе, как могла бы жить без помощи Хеседа, в искренности ее слов сомневаться не приходилось. Она ушла из жизни на девяносто первом году, оставив о себе светлую память.

Мне слышится ее голос...

До сих пор в Хеседе мне слышится ее голос. Спешу на голос, ведь что-то недосказано, недоделано... Но не досказать уже, не доделать. Осталось лишь помнить.

Вспоминаю, как познакомился с Нелей Смолянской и быстро понял, что это умный человек, с одесским юмором, позволяющим в общении с руководством отстаивать свое мнение. Потом предложил ее кандидатуру на должность старшего куратора Малиновского района и никогда не жалел об этом.

Она была трудоголиком, первой приходила на работу, последней уходила и в любую погоду обходила свой район, не жаловалась, но я знал, как ей порой трудно вышивать по этажам. Она все знала о своих подопечных, и, когда нужна была информация о ком-то, не надо было заглядывать в анкету — Смолянская знала ее досконально. Если с подопечным случалась беда, она мчалась на помощь. Так и работала...

Я долго не понимал, почему не могу дозвониться к ней домой: телефон всегда был занят. Поначалу думал, что общается с подругами, но потом узнал, что телефон был задействован для решения вопросов клиентов. Она и кураторов воспитывала трудоголиками и, чем могла, помогала им и волонтерам.

А ее жизнь была очень нелегкой. Еще в юности осталась круглой сиротой, потому и не смогла получить высшее образование, о котором так мечтала. Пошла на фабрику, работала, старалась, стала бригадиром, мастером. Завоевала такое уважение коллектива, что пришлось партийному руководству принимать ее в партию, что давало ей несколько большие возможности, ипользуемые исключительно на пользу дела и помощь людям. Было семейное счастье, любимый муж, сын, внуки. Потом кончилось все — она овдовела, а со временем, когда многое рушилось, осталась и без любимой работы. Стала дежурной в Доме медработников.

Однажды ей рассказали, что открыт Благотворительный еврейский центр, куда срочно требовались добровольцы. И уже на следующий день Смолянская приступила к работе, которой отдала все силы и, в конечном счете, здоровье. Поначалу была волонтером, потом штатным сотрудником.

Нелю любил клиенты и сотрудники, но «пушистой» она никогда не была. Отстаивала свое мнение, спорила с коллегами и руководством, могла и к резким словам прибегнуть. Но если понимала, что ошибалась, не стеснялась публично извиниться.

Когда по вынужденной необходимости начала сокращаться Служба кураторов, было решение, что на работе останутся те, кто без нее не сможет прожить в условиях экономического кризиса. Нелю заработала на своей фабрике вполне сносную пенсию. Но могла бы, сославшись на свои несомненные заслуги перед Хеседом, пытаться остаться на работе. Но она подумала о товарищах. Уволилась и... стала волонтером, как десять лет назад. И работе в Культурном центре опять отдавала силы и здоровье.

Но оно начало подводить, а работать не в полную силу она не могла себе позволить. Поэтому решила основательно подлечиться, а потом начать готовить новую программу. К несчастью, она попала к тому, кто все болезни предпочитал лечить похуданием, а для пожилых людей этот метод очень опасен. И не выдержало сердце...

Ее провожали сотни людей — сотрудники нынешние и бывшие, волонтеры нынешние и бывшие, клиенты Хеседа, друзья, знакомые, соседи. И те, кто любили ее, и те, кто доверяли ей, советовались, уважали. И мне до сих пор слышится ее голос...

Ф.Мильштейн, первый руководитель Службы кураторов

Вера Инбер

Место под солнцем

Повесть двадцатых годов

Начало в №46

— Лучше быть раной, чем опухолью, — возразила я. Потом мы снова надолго замолчали, следя за тем, как скворцы, прилетевшие из теплых стран, ищут деревья и не находят. Вскоре после этого мистер Пирибингль нырнул в туман; он предпочел быть опухолью.

Все это было весной, но зимой он, казалось, вовсе не помышлял об отъезде. Он жил, как и все, и даже служил: он заведовал яичным подотделом в учреждении, ведающем питанием. Белые и кремовые яйца хохлатых украинских кур омрачили жизнь мистера Пирибингль неслыханными заботами. Отдавая яйцам столько времени и сил, он перекроил на птичий лад свое мышление. Это стало совершенно очевидным в тот день, когда, разбив часы, он сказал:

— Часы разбились, и время вытекло из них, как желток из яйца.

Положительно, он стал смотреть на мир с точки зрения курицы.

Так жил он. А мы... мы жили сурово. Мы плохо ели, мы пили чай с сахарином, который противоестествен тем, что нейтрален. Он не вреден и не полезен: он — ничто. В жизни так нельзя.

Мы пили чай с сахарином, но Киске нужен был сахар. Она росла, и ей, этому комочку нежности, нужны были масло, молоко, сахар. Юлия Мартыновна в сапогах и тулупе, как золотоискатель, приносила с рынка маленький тяжелый сырой мешочек рыжего сахара, драгоценного, как золотой песок.

Юлия Мартыновна и я — мы вели суровую жизнь! Мы кололи лед, кипятили снег, чинили трубы, лечили Киску от желтухи.

Я не знаю почему, но однажды ночью у нас пошла вода. Мы долго лежали в темноте, слушая, как в смежной ванной комнате нежно, словно неопытный соловей, защебетал маленький кран над раковиной, потом влажным широким горлом зарокотали большие краны. Как, наконец, захлебываясь и клопоча, вырвалась на волю мелодия воды. И тогда мы крикнули: «Вода!» — голосом Колумбова матроса, увидевшего землю.

Я пришла к мистеру Пирибинглю в его яичные владения просить о службе.

Служба была нужна мне не только потому, что таяли запасы, не только потому, что жизнь, не защищенная удостоверениями и пайками, становилась чрезмерно сложной, но, главное, потому, что меня трепало и било ветром событий, меня сносило водой: мне нужен был хоть какой-нибудь якорек, чтобы удержаться в новом мире.

Яичный подотдел помещался на бульваре, в одной из комнат особняка, обшитой дубом. Затоптанный бобрик цвета петушиных гребней устилал пол, и с потолка свисала венецианская люстра.

Мистер Пирибингль сидел в драном кресле, крытом парчой. Черные резные амуры резвились на высокой спинке кресла и поддерживали тяжелые ручки. Такой же стол, черный, с амурами и крыльями, утопал в красных и зеленых квантанциях. Сбоку, на футляре от «ундервуда», лежало продолговатое голубое, явно утиное, яйцо.

Комната была нетоплена, и мистер Пирибингль, в пальто и шапке, разглядывал человека, стоявшего перед столом, и слушал его объяснения. Человек объяснял:

— Я, товарищи, не возражаю: реквизируйте. Но курица — птица нервная. Она впечатлительная, имейте в виду, и несется только при полном душевном спокойствии. Обращаю ваше внимание.

— Что же вы предлагаете? — спросил мистер Пирибингль, барабанив пальцами по голове резного амура.

Человек ничего не предложил.

— Послушайте, — сказала я, выждав, когда человек ушел, — у меня к вам дело. — И в амбразуре квадратного окна, за яичными ящиками, я попросила его о службе. — Вы занимаете ответственный пост, — сказала я. — У вас связи. Вы можете мне помочь.

— Бедный цыпленок! — произнес мистер Пирибингль с административной нежностью. — Не бойтесь, я возьму вас под свое крыло...

Учреждение, где мне надлежало служить, не могло похвастаться ни венецианскими люстрами, ни амурами. Это была длинная желтая и голая комната. Письменные столы шли вдоль стен.

Главой учреждения был бледный и упорный человек. Взамен правой руки у него был пустой рукав, засунутый в карман. Это был товарищ Шуляк, мое начальство. За недолгий срок моего пребывания здесь я хорошо изучила

его. Я видела его в трудные минуты, когда неслаженное еще и громоздкое учреждение стонало и скрипело на ходу. В руках товарища Шуляка, скорее, в его единственной руке, было сосредоточено снабжение продовольствием общественных столовых. Он распределял нещедрые запасы муки, гороха, сала и ячневой крупы, бывшей на юге тем, чем было пшено на севере.

Товарищ Шуляк распределял все эти пайки, эти скудные рационы голодной зимы, когда досыта не ели даже те, кто сражались. Товарищ Шуляк и в тылу был тем же командиром бригады, каким был на фронте, пока не потерял руку. У него и здесь бывали страшные минуты, когда тыл был прорван, как и фронт, когда даже для самых жидких похлебок не хватало припасов и число больных различными тифами грозно увеличивалось.

Тифы были разнообразны, и один из них, возвратный, в некоторых случаях возвращался до четырех раз, словно неотвязный кредитор. Очень часто вместе с четвертым разом приходила смерть.

Тогда товарищ Шуляк, начальник Шуляк, командир Шуляк развертывал свои резервы: бомбардировал город тяжелыми ядрами капусты, осыпал его картофельной картечью, слал на врага соленые синие лезвия сельдей, спрессованные для боя, и часто побеждал.

При всем том товарищ Шуляк всегда был очень спокоен и внимателен ко всем. Он потерял спокойствие только раз, когда узнал, что, по недосмотру заведующего складом, крысы съели два пуда мороженого сала и мешок кукурузной муки. Заведующий складом был вызван товарищем Шуляком в отдельную комнату. Их беседа была тиха, ни единого звука не доносилось из-за закрытой двери. И все же всем стало смутно и грозно, как будто рядом судил военный трибунал.

В длинной желтой комнате на мою долю выпал крытый клеенкой письменный стол. На мне лежала обязанность регистрировать наименования и количество продуктов, отпускаемых общественным столовым. Мой день начинался так: мне приносили требования и расписки, нанизанные на железный прут. Я снимала их осторожно, я погружалась в зыбучие пески ячневой крупы, я вписывала все в узкие книги. Бумага была дорога, каждая страница драгоценна; каждая описка была преступлением. Я старалась быть безошибочной и точной, но ошибки возникали снова и снова. Бумага была дорога, каждая страница драгоценна; я была преступницей.

Моим начальством был товарищ Шуляк, но он был далеко; нас разделяло несколько столов и одна дверь.

Рядом же со мной моим прямым руководителем и соседом был бывший бухгалтер. Он видел все мои промахи, которые были велики; мои ничтожные достижения ускользали от него. Он не понимал, как можно иметь почерк такой, как мой, — я тоже не понимала этого.

В один особенно злосчастный день бывший бухгалтер, поглядев на мою страницу, испещренную помарками, ничего не сказал, но тихонько замурлыкал в свои бурые усы: «Сердце мое, моя плутовка», что служило у него признаком сосредоточенной и хорошо отстоявшейся ярости. Товарищ Шуляк был далеко и, казалось, ничего не видел. Но, проходя, он попросил меня остаться после работы на два слова.

Двух слов товарища Шуляка я стала ждать с тревогой в сердце. Кроме того, как раз в этот день я спешила. В одном из ящиков моего стола лежал сверток, чья судьба волновала меня. По поводу этого свертка у меня было назначено деловое свидание; час свидания был уже близок, а товарищ Шуляк велел мне остаться.

У меня дома, среди моих вещей, был будильник, как бы созданный для того, чтобы отмечать одни только приятные минуты жизни. Фарфоровые незабудки заплели его со всех сторон, и циферблат выглядывал из вороха цветов. Своими незабудками будильник как бы просил «не забывать».

Мне не хотелось продавать эту игрушку, которая жила у меня так долго. Но любитель и коллекционер будильников давал за него банку сала и кило какао. Будильник лежал у меня в ящике, я спешила, но товарищ Шуляк вклинился и помешал.

Когда все ушли и табачный дым рабочего дня начал постепенно рассеиваться и оседать, товарищ Шуляк приступил к разговору. Комната была пуста, скудное электричество, питаемое неполным током, горело слабо и желто. За окном раскачивались деревья, и невеселая морская оттепель растекалась грязными слезами.

— Товарищ, — сказал мне товарищ Шуляк что называется в лоб, — вы, стало быть, не годитесь для вашей работы. Вы видите это сами.

— Вижу, — отвечала я.

— Вы не на месте, ясно. Но что же дальше?

— Дальше — ничего, — ответила я.

— Врете, — сказал товарищ Шуляк. — Такого, чтобы ничего, не бывает. Всегда должно быть что-нибудь. Не может этого быть. Вы учились, я так полагаю. Мозги у вас есть. Вы не имеете права, — повысил он внезапно голос и ударил карандашом о крышку чернильницы. — Вы что же, разве из тех, что продают вещи, чтобы не умереть с голоду, и потихоньку ждут возврата старого? Я вас не так понимал, простите. Вы учились. Где ваши знания? В какой области? Подавайте их сюда. Мы учили, стало быть, все возможности страны, склады исследовали, а сюда (он коснулся карандашом моего лба), сюда не влезли. Что у вас там жужжит? Может, нужно нам. Что же вы молчите? Думаете о чем?

Наступила пауза.

Я молчала. Я думала совсем о другом. Меня гвоздила мысль о будильнике. Она пришла незаметно. Слушая товарища Шуляка, я думала:

«А вдруг будильник зазвонит? Что бы это было? А вдруг он зазвонит? А вдруг он заведен? Крутили мы его с Киской».

И эта мысль о заведенном будильнике, мелькнувшая сначала легко и сжато, расширилась, раздулась, заполнила всю голову.

«Если он зазвонит, — думала я, — я должна буду объяснить, в чем тут дело. А я не хочу, чтобы он знал, что я продаю будильники. А я не хочу думать о том, что он подумает, когда узнает, что я продаю будильники».

Эта мысль сидела во мне и мучила, а в это самое время товарищ Шуляк говорил нечто важное для меня. Я должна была ответить, а была занята вздором.

— На что вы годны? — настойчиво допрашивал он.

Я должна была ответить ему, а может быть, и самой себе, на что я годна, но вместо этого думала о будильнике: «А что, если он позвонит?»

И он позвонил. Раздался твердый, резкий, уверенный звон. Он шел из ящика моего стола. Пустота сумерек наполнилась этим звоном.

— Что это? — спросил товарищ Шуляк и встал.

Я вынула из ящика сверток и развернула бумагу. Фарфоровые незабудки зашевелились, как живые. Товарищ Шуляк молчал. Быть может, он окончательно убедился, что я годна только на то, чтобы делать ошибки в записях и продавать будильники, заведенные неизвестно зачем.

— Дождь, — внезапно сказал товарищ Шуляк, глядя в окно. — Так и льет. А ведь зима.

— Один раз в Швейцарии, — ответила я, — был такой град, что...

Мы вышли из комнаты.

В передней, на скамье под вешалкой, понуро сидел мой давнишний друг Авель Евсеевич с большим черным зонтиком.

— Я принес вам зонтик и калоши, — сказал он. — Не то насморк, например...

Увидя выражение моего лица, которое он так хорошо изучил, увидя товарища Шуляка с пустым рукавом вместо руки, Авель Евсеевич дрогнул и сказал, прижимая калюши к сердцу:

— Не следует относиться к насморку легкомысленно. Им страдали все народы во все века. Древние арабы звали его «ветер в ноздрях» и лечили бирюзой, истолченной в новолуние. В данное время японские врачи готовят...

— Прощайте, — сказал товарищ Шуляк. — Я тороплюсь. — И он вышел первым, не дослушав о японских врачах.

Продолжение следует

2 сентября — 216-я годовщина основания Одессы

П е р в ы й о д е с с и т

Французское слово «портъ», коим исстари именовали служащего гостиницы, предоставлявшего номера, давно заменено у нас казенным «администратор» и осталось лишь в литературе. Так, в рассказе «Встреча с Олешей» К. Паустовский вспоминает, как в начале войны старый портъ «Лондонской» неожиданно предложил ему любой номер на выбор: «Неужели в гостинице нет ни души? — спросил я... — Как нет? — воскликнул старик. — А Юрия Карловича Олешу вы не считаете? — Он здесь? — А где же ему быть, скажите, как не в Одессе? Теперь на Одессу навалилась беда. Я знаю Юрия Карловича давно. Он вырос здесь и жил, когда Одесса крутилась цельные сутки, как карусель. Все скакало перед глазами: пароходы, Уточкины, шикарные женщины, фраеры, капитаны, налетчики, итальянские примадонны, знаменитые доктора и скрипачи. И я знаю еще кто! Тогда Олеша был тут. И теперь он тут. Он — чистый одессит, вы понимаете?».

Этот рассказ появился в 1961 году, задолго до публикации письма, в котором Паустовский летом 1941 года писал жене из Одессы: «Здесь, в "Лондонской" гостинице, живет Олеша». Но я знал, что

Олешу война застала в Одессе, Паустовский приезжал сюда военным корреспондентом, и факт их встречи сомнений не вызвал. А вот старого портъ, выписанного в одесском колорите, признаюсь, посчитал плодом творческого воображения, характерного даже для автобиографических произведений Паустовского, и, как оказалось, ошибся.

Выяснилось это пять лет спустя, когда Лев Никулин привел в своих воспоминаниях устный рассказ во славу Одессы, услышанный от Юрия Олеси: «Одесса все-таки странный город. Почему-то поезд приходит в четыре тридцать утра... Добираться до знаменитой "Лондонской"... За конторкой старик портъ,

мы знаем друг друга десять лет. Делает вид, что не узнает. — Номер с ванной. — Броня есть? — Нет брони. Какая еще броня? — Нет брони — нет номера. Что мы будем устраивать с вами оперу! — У вас половина номеров пустые. Вот на доске ключи. — А может быть, гости ушли гулять? — В пять часов утра?.. — Вы их будете учить? Ну, хорошо. Нате вам ключ, товарищ Олеша... — Давайте ключ. И какого черта вы со мной резонились? — Боже мой!.. Пять часов утра. Скука. Хочется поговорить с человеком...» Это Одесса...».

Конечно же, и Паустовский и Олеша имели в виду одного человека, чья фигура теперь приобретает отчетливые очертания для того, чтобы пройти по его следам. Но, как оно бывает, явились другие темы, а эта на много лет осталась в закоулках памяти, вплоть до... новой встречи со старым портъ на страницах очерка Л. Пантелеева "Гостиница "Лондонская".

Поначалу автор передает рассказ К. И. Чуковского о том, как в конце 20-х годов в Одессе у него украли из номера «Лондонской» золотые часы. Но когда он заявил об этом портъ, «старик... с неподдельным изумлением взгляделся в лицо Чуковского и голосом, полным пафоса и иронии, сказал: "Часы?

Золотые? У вас?!" После чего я почувствовал себя ничтожеством, авантюристом и клеветником», — закончил свой рассказ Корней Иванович». А потом Пантелеев вспоминает и свою встречу с этим портъ в 1937 году: " — Здравствуйте, — сказал я. — Здравствуйте, рад вас видеть, — сказал старый одессит. — Мне нужен номер. — Номеров, как вы знаете, нет. — Что же мне делать? — Могу выразить вам сочувствие..."

Больше мне пока ничего не довелось читать об этом портъ, но я не исключаю того, что еще встречу с ним на чьих-то страницах. Что же касается активного поиска, то время упущено. И остается надеяться лишь на помощь читателей, которые по личным воспоминаниям, а скорее, по семейным преданиям, что-нибудь помнят или знают о старом портъ «Лондонской» гостиницы. Ведь, судя по всему, он был запоминающейся, колоритной личностью, не лишённой чувства юмора, находчивости, ироничности, житейской мудрости, доброты и доброжелательства. А это вовсе не лишние качества для человека, который, в силу своей службы, для многих приезжих становился первым знакомым одесситом.

Такого еще не видели...

В 1910 году по инициативе одесского отделения Императорского русского технического общества в Александровском парке, ныне носящем имя Тараса Шевченко, открылась «Фабрично-заводская, художественно-промышленная и сельскохозяйственная выставка».

Для Одессы, которая, казалось, до этого уже видела все, это было грандиозное событие, зрелище, действие. Свыше 120 павильонов самой разнообразной формы вплоть до гигантского самовара, который выстроили чайная фирма "Караван". 1300 местных, иногородних и иностранных экспонентов из Австрии, Англии, Германии, Франции. Тысячи всевозможных экспонатов, от бильярдных шаров, выточенных из слоновой кости в мастерской Л.И.Датиса на Ришельевской, 72, до аэроплана «Фарман», выставленного одесским аэроklubом, от обычных канцелярских кнопок, отштампованных в мастерской А.Ф.Овсянникова на Михайловской, 17, до новейших молотилок всемирно известного Акционерного общества «Робей и К°» в Линкольне, доставленных из расположенного на Софиевской, 30, склада земледельческих машин Джона

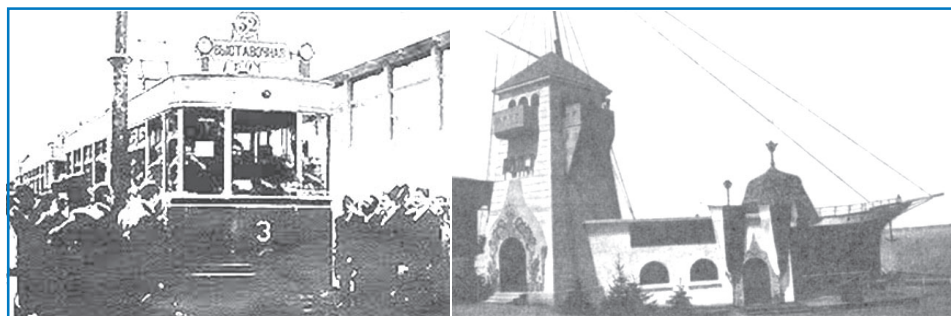
Кука, происходившего из семейства того английского мореплавателя Джеймса Кука, которого, по одной из версий, съели или, как говорят в Одессе, скушали аборигены открытых им Гавайских островов.

Пустили первый в городе электрический, как его называли в отличие от конного, трамвай, который, трезвоня и распугивая извозчичьих лошадей, катил от греческой площади к самому центру выставки. Устроили «Главную стоянку одесского таксомотора», где за поездку в шестиместном автомобиле брали 50 копеек с каждой версты пробега, что, правда, было дороговато тогда, когда, к примеру, пенсне из накладного золота стоило два рубля. Силами берлинской фирмы «Шеффер и Вальнер» соорудили фонтан, струи которого высотой до двенадцати метров подсвечивались снизу прожекторами с вращающимися цветными стеклами.

Варшавские рестораторы И.Садовский и И.Билек открыли «Главный ресторан», где с 1 часу дня и до самого закрытия играл оркестр и под руководством и С.Адамчевского готовили изысканные блюда русской, французской и польской кухонь. А посетители располагались в двух роскошно обставленных помещениях — верхнем и нижнем, сложенным в виде грота из дикарного камня,

который в полуразрушенном виде еще много десятилетий можно было увидеть в парке, не ведая, что это такое. Работало выставочное почтовое отделение, в котором корреспонденцию гасили специальным штемпелем с надписью «Одесса-выставка». Открыли кинотеатр "Гигант", который, действительно, был огромен. И на глазах ошеломленных посетителей отчаянный Сергей Уточкин прямо с выставки летал на аэроплане через весь одесский залив в Дофиновку.

Придумали эмблему, изготовили всевозможные значки, напечатали многочисленные афиши, плакаты, брошюры, открытки, планы и каталог всех участников выставки.

Пуск первого трамвая

Павильон Русского Общества пароходства и торговли (РОПит)

Очень многое оказалось забытым за прошедшие столетия. Но "Одесская выставка", как ее сокращенно, но всем понятно, называли, осталась в истории города, потому что до нее такого еще не было.

Одесса была потрясена

В старое время в центре города во все времена года стояли «красные шапки», как называли посыльных, которые носили головные уборы этого цвета, чтобы их можно было легко отыскать среди прохожих. За определенную плату они доставляли по любому адресу все, что им поручали. Небольшой пакет. Букет цветов. Нежную записочку. Деловое письмо. Лубяную коробку с халвой из кафе-кондитерской Амбарзаки на греческой, 45, против Русского театра.

У нас слова о коробке с халвой не вызывают вопросов. Но одессит «с раньшего времени» спросил бы, с какой халвой коробка, потому что у Амбарзаки готовили, подносили и продавали «для взять

с собой» разную халву: медовую, ореховую, шоколадную... Там можно было отведать рахат-лукум, варенье из роз, кизилловое, абрикосовое, клубничное, полакомиться тортом, пирожным, конфетами, испить кофе...

Двадцатидвухлетний уроженец острова Крит Константин Факурович Амбарзаки открыл это кафе в 1872 году, держал его более 40 лет, слыл человеком благородным и справедливым, которому, как говорили в Одессе, делали уважение разные люди. И, если между знакомыми ему коммерсантами случалось недоразумение, которое им не удавалось разрешить, они прибегали к посредничеству Амбарзаки, после чего обе стороны оставались удовлетворенными. В середине 1910-х годов он продал кафе братьям

Криади, купил дом близ 7-й станции Фонтанской дороги и поселился там с женой Анной Альбертовной. И все на его старости лет было бы хорошо, не случилось то, что случилось.

На остановке трамвая, что на 7-й станции, была бакалейная лавка Ставро, куда Амбарзаки приходил и за покупками, и поговорить с хозяином. 24 июня 1916 года, когда Амбарзаки возвращался от Ставро через заросшую травой поляну, он увидел в небе аэроплан, один из тех, что взлетали

и сажались тогда на ипподром на 4-й станции. Вдруг аэроплан начал быстро снижаться, и Амбарзаки понял, что он может сесть как раз в том месте поляны, где какая-то девочка собирала цветы и, наклонившись, ничего над собой не видела. Амбарзаки подбежал к ней, чтобы оттащить в сторону. В это время аэроплан у которого, как оказалось, внезапно заглох мотор, пролетел прямо над ними. Маленького роста девочка оказалась под крылом, Амбарзаки же крыло раздробило голову, и он умер на месте...

Одесса была потрясена. Но с тех пор сколько лет и аэропланов пролетело! И все забылось. Разве что В.Жаботинский в романе "Пятеро" вспомнил кафе Амбарзаки. И это еще не самый худший вариант.

“Чем только не занимаются люди...”

“Чем только не занимаются люди...”. Такими словами Илья Ильф и Евгений Петров начинают своей рассказ о старом ребуснике Синицком. Ребусы и сегодня кто-то еще составляет, но многие профессии окончательно канули в прошлое Одессы.

Водовозы колесили по городу, продавая колодезную воду или набранную из фонтанов, сиречь ключей, которые дали название живописным окрестностям Малый Фонтан, Средний Фонтан, Большой Фонтан.

Разливщик вин в бутылки и укупорщик Сергей Урфалов был занят с утра до ночи, поскольку в старой Одессе дарящий радость напиток всегда имелся в изобилии.

«Обивщик стульев и канапеев», сиречь, диванов, Шмуль Шлейфер ничего другого не знал и не умел, но в своем деле мастером был.

Футлярный мастер Фридрих Гедде на Ришельевской улице понимал, что его изделие есть не просто коробка для хранения чего-то, а нечто сродни увертюре, и должно соответствовать тому, для чего оно предназначается.

На базарах под открытым небом располагались «холодные парикмахеры», все оборудование которых состояло из двух табуретов. Когда подходил клиент, он усаживал его на табурет и начинал брить или стричь. Но если подходил другой, парикмахер, в опасении того, что тот не захочет ожидать своей очереди и уйдет к коллеге, оставлял первого — куда он денется наполовину стриженный или бритый? — и начинал заниматься вторым.

А на Приморском бульваре, в Городском саду и на Соборной площади зарабатывали себе на хлеб, если их можно так назвать, «холодные астрономы» — ставили небольшой телескоп и предлагали публике «ознакомиться с небесными светилами — Венерой, Марсом, Юпитером со спутниками и Сатурном с его удивительными кольцами».

Портные-жилеточники шили только эту часть гардероба. Но они делали свою работу с мастерством и добросовестностью, а потому с чистым сердцем желали заказчику «Порвите на здоровье!», что в их устах звучало как «Живите долго!», если иметь в виду, что жилет будет носиться нескончаемое количество лет.

Шмуkler С.Корнин, название профессии которого происходило от немецкого «Schmuck» — украшение, на Ришельевской, 10, вручную делал витые шелковые шнуры для абажуров, бахрому для бархатных скатертей, помпоны для плюшевых портьер, тесьму и другие вещи, на которые продавцы иногда специально обращали внимание покупателей: «Продаются четки каменные с роскошной золотой кистью шмуklerской работы».

«Портретный силуэтчик» Иван Вейс с «величайшим сходством» вырезал силуэты еще до появления в Одессе фотографов.

С наступлением теплых дней несколько человек принимали на лето «меховые одеяния для сохранения от побития молю».

Упаковщик Нудельман так тщательно упаковывал зеркала, посуду и прочие легко бьющиеся вещи, что они в целостности и сохранности переносили перевозки, если хозяин надумал поменять местожительство.

Тапёр Л.Праусс жил в Каретном переулке, откуда в любую погоду готов был прибыть на бал, танцевальный вечер и куда угодно, где только нужна была «музыка в танцах», а впоследствии его коллеги в иллюзионе «Шантеклер» на Малой Арнаутской, 40, и многих других, «наяривали» на пианино, сопровождая музыкой демонстрацию какой-нибудь, как тогда говорили, немой фильмы вроде душеспитательной «И тайну море поглотило» или нашумевшей «Молчи, грусть, молчи!» с участием королевы экрана Веры Холодной.

Старьевщики, именуемые в Одессе не иначе как старевещниками, целыми днями бродили по дворам, оглашая их пронзительными выкриками: «Стары вещи покупайм, старевещ, старевещ!», а вечерами баловались чаем или чем другим в «своем» трактире на Базарной, 40, угол Ремесленной, нынешней улицы Осипова. Как правило, это были, мягко говоря, не самые состоятельные люди, о которых некто, скрывшийся под псевдонимом Джентльмен, написал несколько рифмованных строчек:

Жизнь взяла беднягу в клещи,
Должен целый день вопить:
«Ста-ры вэщи! Ку-пим вэщи!»,
Чтоб семейство прокормить.

Были еще «разрисовщики экипажей под лак».

По утрам во дворах появлялись молочницы с жестяными бидонами — «Молоко! Кому молоко?!», а ближе к вечеру — «рыбные торговки» заявляли о себе: «Риба, дамы, риба!!!».

Предлагали свои услуги стекольщики — «Стеклы вставлям, стеклы!», точильщики — «Точить ножи, но-о-о-жницы!», «паяльщики», которые давали ремонт любой железной посуде — «Пай-ять — почи-нять! Ведры, чайники, миски-и! Каструли починять!».

Фонарщики с лестничкой на плече вышагивали улицами, вечером в положенное время зажигали, а потом тушили газовые фонари, которыми освещалась центральная часть города.

Некоторые предприимчивые граждане приготавливали из канифоли, касторового масла, меда или патоки липкую массу, кистью наносили ее на листы пергаментной бумаги, а торговцы вразнос летом ходили с ней по дворам, оглашая их пронзительными криками: «Липкая бумага для мух! Липкая бумага! Купите, и будете спать спокойно!»

На вокзале и в порту дежурили комиссионеры гостиниц, чаще всего второклассных, наметанным глазом определяли иногородних и буквально силком тащили их к извозчику, чтобы отвезти в какую-нибудь «Америку», «Бессарабскую», «Венецию», «Бель-вию» или «Невскую» в Красном переулке, 10.

Мелкие маклеры или «лепетутники», как их называли в Одессе, целый день мотались по городу в надежде заработать хоть какой-нибудь рубль.

Установщик колокольчиков Бонардо подвешивал их в квартирах одесситов до появления механических, а потом электрических звонков. «...В передней зазвенел на пружине колокольчик», написал Валентин Катаев, вспоминая свое далекое детство на Базарной, 4.

Биндюжники с утра до вечера в любую погоду возили в порт мешки с пшеницей, а оттуда всякие, как их тогда называли, «колониальные товары» и другие заморские товары.

Искусный мастер Петр Матвеев на Дерибасовской, 17, делал «дамские черепаховые гребни лучшей доброты и фасона», если же какие выходили из моды, переделывал их, а сломавшиеся склеивал и полировал так, что они выглядели совершенно новыми.

Лаврентий Певееротти на Ришельевской улице к удовольствию модниц мыл и доводил до первоизданной чистоты страусовые перья.

На Дерибасовской в мастерской С.Глазера «приводили в новый вид» залоснившиеся от длительного ношения соломенные шляпы — канотье, без которых уважающие себя граждане не появлялись на улице даже

в разгар жаркого одесского лета, а неподалеку, в гостинице «Франция», на той же улице под № 31, С.Шаронюк это же самое проделывал с перчатками, являвшимися в те времена не только средство защиты от холода, но и непременную принадлежность туалета.

Полотер Роберт Петерс исполнял на своих щетках однообразный и бесконечный какой-то танец, оставляя за собой до зеркального блеска начищенный паркет.

Мадам Бобрышева в Малом переулке, 2, кормила холостяков, приезжих и всех желающих домашними обедами «на чистом коровьем масле».

Бродячий кукольник с корзиной и легкой ширмой ходил по дворам, где на удовольствие детворы устраивал представления с Петрушкой — длинноносой куклой, которую на юге называли Ванькой-Рутютю.

Тачечники с готовностью перевозили все, что только помещалось на их двухколесных тачках.

Занимавшиеся этим делом, унаследованным от отцов и дедов, братья Кляр зимой заготавливали, а потом все лето продавали лед для домашних, магазинных и ресторанных ледников, а мальчишки разносили по базарам, пляжам и улицам «холодную воду с ледом!»

«Телефонные барышни» из Одесского общества телефонов на Пушкинской, 16, без усталости соединяли абонентов: «Барышня, дайте 42-88!».

Механик, слесарь и, вообще, мастер на все руки Г.А.Радионон на Садовой, 19, даром, что держал мастерскую во дворе, был известен всем окрест живущим хозяевам, которым из года в год тридцать лет кряду чинил примуса «с гарантией правильного горения». А это была незаменимая вещь в хозяйстве не самых состоятельных одесситов, поскольку примус можно было поставить не

только на столик в кухне, но и на застеленный газетой табурет в коридоре или на галерее, что со стороны двора опоясывает старые одесские дома. И варили на нем все, что варится, и, наполняя ароматом двор, жарили скумбрию, бычки или синенькие, которые баклажаны. А потом готовили из них «знаменитую одесскую баклажанную икру — пища богов! — зеленую, с луком, уксусом, чесноком, молдавским перцем, дьявольски острую...», как написал о ней Валентин Катаев, а у земляков, которые читали эти строки, слюнки текли или слезы, в зависимости от того, где эти читатели жили.

Приходил во двор шарманщик, крутил ручку, звучала какая-нибудь модная песня вроде «Маруся отравилась», обезьянка корчила рожицы, и жильцы бросали из окон монетки, завернутые в бумажку. Если же кто подходил, тому попугай вытаскивал из коробки

скрученный в трубочку листочек с записанной там «непременной судьбой». А на шарманке были нарисованы золотоволосые красавицы в окружении цветов, и лентой шла надпись: «Нечада Балковская 191 Одесса» без всяких знаков препинания, как телеграмма в то далекое будущее, в котором ничего этого уже не будет, одна только грустная песня

Александра Вертинского:

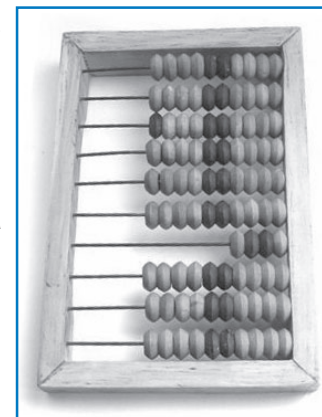
Каждый день под окошком
Он заводит шарманку.
Монотонно и сонно
Он поет об одном.
Плачет старое небо,
Мочит дождь обезьянку,
Пожилую актрису с утомленным лицом...

С годами стирается память о людях, уходя в ближнее, а потом в дальнее прошлое не только их занятия, но и вещи, которыми они пользовались, одежда, которую они носили, пища, которую они ели. Изящные лорнеты. Звонкие поддужные колокольчики. Граммофоны. Бесшумные керосинки «Гретц». Счеты, арифмометры «Феникс», а потом уже и логарифмические линейки. Счеты. Манишки. Черные блестящие галоши с красной подкладкой, на которой предусмотрительные граждане крепили латунные буквы для обозначения в л а д е л ь ц а .

Фильдеперсовы чулки, название которых когда-то развяснила мне Валечка Голубовская. Ароматный ситный хлеб. Посыпанные кунжутным семенем бублики с е м и т а т и . Неповторимого вкуса з н а м е н и т а я ч е р н о м о р с к а я скумбрия — жареная, соленая, копченая.

Помнить прошлое могут только те, кто жил в этом прошлом. Появившиеся на свет позже могут лишь знать, если им расскажут или они прочитают о нем. Для этого и пишут разные книги об истории мира в целом, отдельных стран и городов, среди которых Одесса была и остается на почетном месте.

Материалы подготовил Ростислав Александров.

Михаил Пойзнер

В городском саду играет..., или «Развод» по-молдавански

Не люблю спорить.

Особенно, если абсолютно уверен в своей правоте. Так спорить даже не интересно.

А часто приходится слышать: «Спорим на то, спорим на это...» Еще чаще: «Спорим на бутылку...» В смысле, на бутылку водки.

Почему это пришло в голову? При мне не единожды спорили даже на ящик водки. Но, как помнится, только один раз этот ящик действительно помог. Больше того, спас человека.

Дело прошлое, а все стоит перед глазами – и та Одесса, и те улицы, и те разговоры, и те лица, и те тени.

Начало семидесятых годов уже того века.

Представьте себе угол Картамышевской и Косвенной. Горбатые мостовые, покосившиеся дома, облезшие фасады. Дворы, поросшие бурьяном. Компактно проживающие цыгане. Воры и торговцы краденым. В белый день пьяные встречаются чаще, чем непьющие... Старухи, продающие семечки еще с румынских оккупационных стаканов. Редкие машины, проскакивающие со стороны таксопарка на Средней. Во всем остальном обычная молдаванская жизнь под тревожный лай собак из частных домов.

Вот в такой обстановке здесь жил и мой давний школьный приятель. Жил как все. С утра на работу, после работы с ребятами-монтажниками «по 150», потом не спеша домой к телевизору и газетам. Кругом все знакомо – никто не обидит.

Катилось так до тех пор, пока в один прекрасный вечер он, как всегда «под мухой», на родной Картамышевской не наткнулся на группу «своих» цыган, шумно играющих в «девятку».

А что такое «девятка»?

«Девятка» – примитивная игра по цифрам, указанным на номерах денежных банкнотов. Думать тут не надо. Один из играющих «заряжает» (прячет в ладони) купюру и называет «свои» цифры – допустим, две первые и одну последнюю. Оставшиеся цифры достаются сопернику. Выигрывает тот, у кого сумма «своих» цифр окажется больше. При подсчете очков десятки отбрасывают, т.е. максимальная сумма не может быть больше девяти. Короче, умеешь считать до девяти, вперед – уже можешь играть. По правилам допускается «заряжать» купюру одного достоинства, а играть на купюру любого достоинства. И так далее. У нас на Молдаванке про «девятку» знают даже почти грудные дети...

Отчасти знал это и мой приятель. Завидев его шаткую походку, цыгане ожили. Руками и ногами буквально втолкнули его в круг играющих.

Утром целый табор ввалился к нему домой. Объявили приговор – вчера он проиграл целых 20 тыс. рублей (!). В те годы на такие деньги можно было купить аж три автомобиля «Жигули». Поставили свидетелей. Мол, никто играть не заставлял. Даже наоборот... А карточные и другие похожие долги – священные.

Начался ад. Одни цыгане сменялись другими. Приходили не только цыгане... Днем и ночью. Угрозы, крики, плач... Дошло до рукоприкладства. Спокойная жизнь окончилась.

Приятель мой абсолютно ничего не помнил. Помнил только, как подошел. Дальше провал в памяти. Что-то отхлебнул из их бутылки, что-то дали курнуть... Проиграл-не проиграл? Потом все штрих-пунктирно.

А что делать теперь, когда вся семья на грани смертельного срыва?! Как-то я, шатаюсь по Староконному, сбивчиво пересказал эту историю своему знакомому Фиме, в миру завскадом чего-то где-то в самом сердце Эстонской улицы, что сразу же за Привозом. Кому не понятно, что на той Эстонской работать обычный человек не мог?!

Рассказал просто так. Мол, вот как в жизни бывает... Но надо же было знать Фиму! История эта его потрясла. Он уже, очевидно, имел опыт общения с теми, кто вышибает деньги.

Тут надо сказать про самого Фиму.

Фима в молодые годы серьезно занимался тяжелой атлетикой. И до армии, и в армии. Служил в стройбате, где-то за самыми далекими каракумскими барханами. Служил еще с одним одесситом. Два одессита на тысячи километров! В части было довольно много прибалтов, которые соответствующим образом относились к Фиме и его земляку. Зацепить Фиму было трудно. Все-таки он тягал тяжелую штангу и за себя постоять мог. Литовцы методично придирались к Фимину другу. Когда обстановка стала критической, Фима, ни слова не говоря, на глазах у всех со всего маху разрубил штыковой лопатой арбуз, лежащий на столе. Литовцы только-только собирались его есть. Фима выдал из себя: «Кто тронет моего земляка, первому также расшибу башку...» Ошарашенные литовцы сразу поняли, что Фима не так уж далек от осуществления этих замыслов. Поняли и отцепились. Правда, Фима получил за это и «темную», и удар ножницами в живот, и лужу крови... С годами ничего не забылось. Хотя после армии пробежало немало времени, мужики крепко дружили.

Все это имеет прямое отношение к нашей истории.

...Фима возмутился не на ровном месте.

Накануне он проспорил как раз ящик водки этому давнему армейскому товарищу и его приятелю. Они что-то там не сошлись мнениями о последней игре «Черноморца» на выезде.

Выслушав историю с приговором в 20 тыс. рублей, Фима хитро подмигнул: «Так ты думаешь, твоему «игроку» надо помочь? А он порядочный хлопец?! Что, они ему таки «забили» мозги?!» Я подтвердил.

Фима улыбнулся: «И не такое в жизни бывает... За пару усилий я все разрулю. А игроку твоему это будет стоить как раз ящик водки, которым он рассчитается за тот спор вокруг «Черноморца». Идет?»

Что варилось в Фиминой голове, я узнал потом.

Сказано-сделано. Фима резко взялся за дело. Дотошно выяснил, кто конкретно играл с моим приятелем, кто проявлял наибольшую активность в вышибании долга. Где он вообще и что из себя представляет.

Я проронил: «Этот «активист» почти каждый день играет в «девятку» в горсаду на Дерибасовской, сразу же за ротондой». Фима пару раз лично подходил к этому месту, чтобы убедиться в правдивости этих моих слов.

Чем больше я вникал в это дело, тем больше поражался, как жизнь может свести разных людей в разное время в разном месте, но с одной целью – подтвердить, что дружба, настоящая дружба – не выдумана кем-то для газетного столбца.

А теперь главное.

Чем же занимался старый Фимин друг с тех еще армейских времен? Чем занимался тот парень, за которого Фима в свое время где-то там за Кара-Кумами пролил хорошие пару капель крови?! Оказалось, что он мирно работает экспедитором. Экспедитор экспедитору тоже рознь – это, как говорят в Одессе, еще смотря, что ты и кому «перекидываешь» дальше... Он же состоял экспедитором в административно-хозяйственной части ...КГБ(!). Такой простой вольнонаемный работник, но с улицы Бебеля, дом 43. А приятель его, с которым они вместе «раздели» Фиму на целый (!) ящик водки, служил «за углом», в военной комендатуре Одесского гарнизона.

...К горсаду, со стороны Гаванной, подъехала черная «Волга» военной комендатуры. Из нее вышел помощник военного коменданта с двумя солдатами из караульного взвода. Все с красными повязками, какие носит обычный гарнизонный патруль.

Военные направились к ротонде, прямо к играющим в «девятку».

Главного игрока, того, который активно «вышибал» деньги после игры на Картамышевской, культурно попросили пройти...

Несчастный никак не ожидал такого внимания со стороны военных. С милицией он худобно всегда разбирался, а тут военные, да еще с патрульными повязками.

Уже в самой «Волге» его попросили собраться с мыслями и не задавать лишних вопросов. В гробовом молчании «Волга» подкатила на Бебеля – к известному мрачному дому, который кое-кто и по сей день на всякий случай старается обойти стороной. Пропуск на помощника военного коменданта и «одного с ним» был выписан заранее.

Задержанного завели в кабинет. На нем не было лица...

У стола стоял человек в гражданской одежде. Это и был наш экспедитор!

Последовало короткое пояснение:

«...Поняли, куда вас привели?! Не слышу! Поняли или повторить...»

Так вот. Мы попали в очень нехорошую историю.

По вашей вине срывается задание огромной государственной важности.

Вы «засветили» нашего человека, на которого возложено решение части этой задачи. Мы, конечно, принимаем меры, чтобы выправить ситуацию... Если этого не произойдет, вас будут судить по статье «За измену Родине». Требуется ли это пояснения? Это до конца понятно?! Не слышу!...

А «наш человек» – это тот с Картамышевской, которого вы преследуете. Кто будет иметь дело с человеком, за которым ходит толпа...

Теперь ваша задача незаметно (повторяю — незаметно!) охранять его.

Если что-то случится – все подозрения на вас. Со всеми вытекающими последствиями.

Времени мало. Его вообще нет, особенно у вас...

Подписку о неразглашении дадите позже.

Если что..., вас найдут из-под земли.

Все. Свободны.»

Наш экспедитор уже успел нахвататься «знаний» за теми стенами. С кем поведешься...

На этом мгновенно закончилось вышибание долга с моего приятеля.

Как говорят в Одессе, «развели» клиентов по-взрослому.

А в истории этой последнюю точку поставил все-таки я, когда подвез на своей машине тот трепетный ящик водки к воротам военной комендатуры Одесского гарнизона. На проспект Мира угол Бебеля.

Раз проиграл – рассчитывайся.

А как по-другому?

Хотя, по большому счету, дело тут вовсе не в водке...

На сто лет моложе Одессы

2009 г. Георгий Франгулян демонстрирует модель памятника Исааку Бабелю

1937 г. Исаак Бабель с дочерью Лидой

2001 г. Семья И.Бабеля (слева направо) — жена внука Лиса, Антонина Пирожкова, внук Андрей, дочь Лидия с сыном Андреем и Лисой

В Москве начали готовить к отливке из бронзы памятник Исааку Бабелю. Как сообщили во Всемирном клубе одесситов, победитель конкурса на лучший проект памятника российский скульптор Георгий Франгулян уже изготавливает формы для отливки. «Начало работ стало возможным после того, как известная своими социальными и культурными проектами Международная организация АО «ПЛАСКЕ» (президент — О. И. Платонов), партнер Всемирного клуба одесситов, передала необходимую для начала работ сумму, которая составляет третью часть общей стоимости памятника,» — сообщил директор Всемирного клуба одесситов Леонид Рукман.

Мэр Одессы Эдуард Гурвиц дал распоряжение готовить документацию на благоустройство площадки под памятник на углу улиц Ришельевской и Жуковского, напротив дома, где жил писатель. Всемирный клуб одесситов начал сбор средств на памятник три года назад. За это время на памятник Исааку Бабелю 844 дарителя и организации из 14 стран пожертвовали около 290 тысяч грн.

Как написала из США, где живет семья Исаака Бабеля, его вдова Антонина Николаевна Пирожкова, макет памятника понравился и «внешность Бабеля отображена достаточно достоверно».

«Я родился в Одессе на Молдаванке» —, написал И.Бабель в

«Автобиографии». На Дальницкой, 21, угол Балковской улицы в конце XIX века было три выстроенных из ракушечника и крытых черепицей-татаркой жилых одноэтажных флигеля, два сарая-коровника да просторный, поросший травой двор с водопроводным краном. Принадлежало все это Фоме Булгакову, жена которого Ксения Даниловна держала здесь постоялый двор. А непременной принадлежностью такого заведения была «Торговля овсом и сеном», коей заправляла бабушка будущего писателя Хая-Лея Тодресова Швехвель.

Здесь в июле 1894 года родился Исаак Бабель. Он был ровно на сто лет моложе Одессы, которую любил, о которой писал.

Александр Танин

Случай в конторе Грубера

В старое время репутацией дорожили и люди, и фирмы. В конце XIX века на Дерибасовской, 16, в доме, который коренные одесситы привыкли именовать «домом Вагнера», была банкирская контора почетного гражданина Исаака Соломоновича Грубера, солидное заведение с отделением в Киеве на самом Крещатике. Однажды кто-то, покупая или продавая там ценные бумаги, уронил на пол 75 рублей, не заметил и ушел. Бедные люди туда не ходили, но в то время и для богатого человека эти деньги что-то да значили. К примеру, в магазине Иосифа Баржанского на Дерибасовской, 27, господин мог купить себе на эти деньги серебряные карманные часы с такой же цепочкой, а супруге, невесте или какой другой даме бриллиантовые серьги, бриллиантовую брошь и золотой браслет. После этого, как сказал бы подпольный миллионер Корейко, гусарства еще остались бы деньги «на обмыть» покупки в престижном, но недешевом ресторане «Лондонской» гостиницы и вернуться домой на извозчике.

В конторе Грубера цену деньгам знали, но репутацию ставили выше, а потому посредством газетного объявления

пригласили «лицо, утеревшее 75 рублей, явиться за их получением». Однажды на городской свалке мусора, которая в начале XX века была на Пересыпи, нашли серебряную ложку. Нужно полагать, что нашедший ее не был состоятельным человеком, но он не прикарманил эту ложку, а, как бесхозную, передал в «Общество для помощи бедным г. Одессы». А там, прежде чем продать ее и вырученные деньги обратить на нужды благотворительности, не поленились поместить в газете объявление, приглашая владельца ложки, если он отыщется, прийти за ней в канцелярию Общества на Дерибасовскую, 1. И это не случайность была, потому что через некоторое время на свалке отыскались две серебряные вилки, и все повторилось...

Репутация фирмы складывалась годами, восстанавливалась долго, потому и ценилась высоко. Открытая в 1872 году кондитерская швейцарских уроженцев Жака и Доменика Фанкони после смерти братьев отошла к Павлу — сыну Доменика, потом к их родственнику — брату жены Павла и управляющему Флориану Яковлевичу Скведеру. К тому времени «Кафе Фанкони»

было уже очень известным, и новый владелец на все последующие годы сохранил его первое название.

Можно продолжить примеры. В 1873 году кассир банкирской конторы, принимая ценные бумаги, вопреки всем правилам, почему-то не проверил их количество, чем ввел продавца в серьезный по тем временам убыток. Но через несколько дней владелец конторы Озиас Хаис на первой полосе газеты крупным шрифтом напечатал обращение к потерпевшему: «Господина, продавшего мне 8 числа текущего месяца на 100 рублей закладных листов Херсонского земского банка, на 700 рублей билетов Одесского городского кредитного общества и 3 билета 2-го внутреннего займа, прошу пожаловать в мою контору за получением окказавшегося в пакете лишнего билета Одесского городского кредитного общества в 100 рублей».

Все такие случаи, конечно, работали и на рекламу заведения. Только лучше уж рекламировать порядочность, чем скрывать противоположное. Да и не в одной рекламе тут дело, а в совести и честности человеческой.

Борис Веприк

Хорошо забытое старое

При раскопках древнеегипетского города Мемфис отыскалась вывеска, владелец которой без обиняков сообщал: «Я, Рино, с острова Крит, по воле богов толкую сновидения». Сей предприимчивый гражданин, по-видимому, не оставался без куска хлеба и чаши вина, так как у человека во все времена имеется безрассудный интерес к тому, что ему, для его же душевного спокойствия, знать никак не дано.

И тысячелетия спустя, в Одессе начала 2000-х годов можно было увидеть вывеску «Екатерина Теряева — хиромантка». Она промышляла этим давнишним занятием на Кузнечной, 26, где в квартире под № 12 каждый день с утра до самого вечера принимала легковых клиентов, получая с

них за каждое свое «откровение» один рубль. А за него-то можно тогда было многое что купить, к примеру, четверть фунта отменной паюсной икры.

И эта сорокалетняя мадам не первая была в Одессе. Еще осенью 1871 года одесский полицмейстер издал приказ, которым поручено было «приставам принять все меры к открытию и преследованию во вверенных им участках всяких гадателей, предрекателей будущего, ворожей, знахарей, не имеющих со стороны медицинского начальства права на лечение, и прочих невежд и шарлатанов, разрушающих нравственное спокойствие общества». Высокий полицейский начальник считал это важным и тем же приказом

предписал «теперь же приступить к обнаружению указанного зла и донести через 2 недели о последствиях розысков и о тех чиновниках, которые принесут в этом случае успехи делу.»

Почти полтора столетия с той поры пролетело и, как говорят в Одессе, «об чем мы видим?» Недавно, вызывая улыбку одесситов, заявила о себе вывеской духовная наследница мадам Теряевой «Влада Моисеевна — предсказательница». Воистину, хорошо забытое старое воспринимается как новое. И не так уж быстро меняются во времени человеческие слабости, склонности, пристрастия и вкусы. И люди, которые этим пользуются...

Александр Винник

Î äãññêèà

íîâîñðè

Ученые кафедры микробиологии и вирусологии ОНУ имени И.И. Мечникова разработали биопродукты, очищающие от нефтепродуктов воду и почву. Разработанные биопродукты разлагают нефть до воды и углекислого газа. В отличие от за рубежных аналогов, эти биопродукты очищают воду не только на поверхности, но и в толще и на дне.

Исполком горсовета разрешил концерну «Вэсэлка» разработку градостроительного обоснования реконструкции сгоревшего корпуса №2 Нового рынка. Планируется его полная историческая реставрация.

Прокуратура возвратила отвоевала пансионат «Зеленая горка» по личному обращению мэра Одессы. По решению суда все договоры отменены. Пансионат будет функционировать нормально.

По словам Главнокомандующего Вооруженными Силами Украины Григория Педченко, военный институт Одесского национального политехнического университета будет преобразован в Военную академию в 2011 году.

На Дерибасовской состоялась Международная книжная ярмарка «Зеленая волна», в которой приняли участие около 70 представителей разных издательств.

Впервые в этом году в Одессе проводится открытый муниципальный литературный конкурс имени Михаила Жванецкого. Конкурс учрежден Одесским горсоветом с целью популяризации лучших образцов сатиры и юмора. На конкурс принимаются опубликованные произведения, а также рукописи (набранные на компьютере) по номинациям: короткий рассказ; стихотворное произведение; фельетон; афоризмы. Объем прозы и стихотворных произведений - не более пяти страниц, афоризмы - не более двух страниц печатного текста. Прием работ на конкурс - с 16 августа до 1 октября. Работы принимаются в управлении по вопросам культуры и искусств горсовета, по адресу: Сабанеев мост, 3, тел. 723-63-36, 723-23-11.

За активную общественную деятельность и значительный личный вклад в развитие взаимовыгодных отношений между Государством Израиль и Украиной Почетным знаком отличия Одесского городского головы «Благодарность» награжден Марк Довев - глава представительства Израильского государственного бюро «НАТИВ» на юге Украины, директор Израильского культурного Центра в Одессе.

За многолетний плодотворный труд, по случаю 80-летия основания предприятия Почетным знаком отличия Одесского городского головы «За заслуги перед городом» награжден Гройсман Владимир Абрамович - начальник отдела проектирования портов и судоремонтных заводов государственного предприятия «ЧерноморНИИпроект».

З а п и с к и ж и л ь ц а

Начало в 44

Семён Липкин

Он всегда что-то напевал, дома и на улице. Он утверждал, что русская литература — величайшее создание человечества, и прибавлял, что так и умрет космополитом. Тем, чем для других были охота, рыбная ловля, коллекционирование разных разностей, карточная игра, была для него латинская поэзия, забава и наслаждение. Он не понимал фразы: "Нудная гимназическая латынь". Поэты Древнего Рима жили с ним рядом, где-то по соседству, дышали тем же морским воздухом, беседовали с ним, веселились, остряли, печалились. Он сам себе готовил, отдельно от семьи (он признавал только толочно и каши — источник здоровья и долготлетия), и картина была такая: рукою в рваной перчатке он придерживал над спиртовкой кастрюлю с длинной ручкой, бросал из-под пенсне косою взгляд в поваренную книгу и читал (в который раз!) маленький томик Горация.

Зинаида Моисеевна сладко и долго надеялась, что ее деверь все-таки женится, уйдет жить к жене (так ей рисовалось) и они займут его дивную комнатку с балконом.

— Ах Саша, — говорила она, — почему нужно стряпать в комнате? Это же негигиенично. Я, конечно, не имею вашего образования, хотя и не унижу себя в любом обществе, только мне кажется, что мужчине не подобает заниматься таким делом. Если бы вы знали, что о вас говорят соседки, — это тысяча и одна ночь. Ну вот, он уже сердится. Это же говорится так, в теплом семейном кругу. Если у вас есть такая фантазия, готовьте себе на здоровье.

— Так-так-так, — отвечал Александр Рафаилович и делал по-своему.

Он не любил Зинаиду Моисеевну. Он знал, что она добра, внимательна к нему (она иногда доставала ему частные уроки), но ее истерики, скандалы причиняли ему страдание. Ее мещанский склад ума казался ему отвратительным. Однажды он даже ушел (в первый и последний раз) ночевать к знакомым: в этот день стало известно, что большевистская революция развезла их шестнадцать тысяч — вместе с банком "Лионский кредит". Мать и братья встретили эту весть скорее спокойно — что поделаешь, судьба! Зинаида Моисеевна неистовствовала. И досталось же тогда от нее Николаю II, Керенскому, большевикам, Абраму Кемпферу и всем ее врагам, будь они трижды прокляты!

В двадцатом году, в ту холодную зиму, когда частная гимназия Нейдинга стала совшколой № 4, Александр Рафаилович, один из немногих учителей, продолжал преподавать. В старом драповом пальто читал он в замерзшем классе голодным ученикам "Хоря и Калиныча", получая ежедневный паек: четверть фунта ячки и полфунта глинистого, клейкого, кислого хлеба. "Это же не хлеб, а макуха", — говорили в доме Чемадуровой, беззлобно посмеиваясь над учителем.

Вот он возвращается из школы. "Мороз и солнце, день чудесный, что и требовалось доказать", — бормочет он себе под нос и уже напевает из "Гугенотов". Чудной картуз едва прикрывает его большую, коротко остриженную голову, уши побелели. Драповое пальто, длинное и порывшее, греет слабо. Он бережно прижимает паек к тому месту, где отскочила пуговица. А на улице голод, запустение, мороз.

— Это вы, Миша? Ну и укутали же вас! Что у вас за книга?

— "Война и мир", — подчеркнуто-скромно, как ему кажется, отвечает Миша Лоренц. Ему трудно привыкнуть к тому, что Александр Рафаилович говорит ему "вы".

— Не рано ли вам, дружок, читать такие серьезные вещи? Я-то начал в пятом или шестом классе, а вам еще одиннадцати, кажется, нет.

— Но я все понимаю, все, все, спросите меня, — голосом, захлебывающимся от счастья, почти кричит Миша, — даже по-французски понимаю, вниз, в перевод, не заглядываю! Мне Помолов, Павел Николаевич, дал. Богатая у него библиотека!

— Дело не в том, чтобы понимать

фабулу. Такие книги следует читать наслаждаясь каждой фразой.

У Александра Рафаиловича много дела: надо затопить румынку, приготовить кашу — он с утра не ел, — обогреться после холода давно нетопленной школы. Немало дела и у Миши Лоренца: надо пойти в "АРА", выстоять в длинной очереди, чтобы получить у американских филантропов маисовый пудинг, стакан какао и сайку. Какао и пудинг — себе, сайку — родителям. Но вот они стоят битый час и болтают о пустяках. Чудаки!

— Если вы, Миша, так ладите с французским, то непременно прочтите в подлиннике "Боги жаждут" Анатоля Франса. Зайдете вечером ко мне, я вам дам. Какой аромат исходит из этой книги, какая в ней сила! Наш друг Цыбульский видит во всем одну лишь дурную сторону. Вот прочел бы Франса, понял бы: великую революцию не в белых перчатках делали. Что и требовалось доказать.

Откроем правду: в доме Чемадуровой, за редким исключением, не очень любили большевиков. А уж если всю правду открыть, то очень и очень не любили. Александр Рафаилович принадлежал к редким исключениям. Он одобрял все: и голодный военный коммунизм, и нэп, а впоследствии — даже тридцать седьмой год. Он всегда был чужд революционному движению, и большевики очаровали его не обаянием грядущей свободы, а обаянием власти, смелости, новизны. Нападки на большевиков казались ему результатом узости, ограниченности, мещанства.

"Недаром немцы, — говорил он, — произвели слово "филистер" от "филистимлянин". Они, филистимляне, тоже не понимали, если верить старой книге, где свет истинный".

Не терпел мещанства и младший брат Александра Рафаиловича, юный Теодор.

Любители чтения, вероятно, заметили, как изменился в литературе образ мещанина. В девятнадцатом веке мещанин — это самодовольный обыватель, бескрылый, осторожный бюргер. Ему противопоставлялся человек широких взглядов, с душой мятежной и беспокойной, жаждущей самопожертвования во имя святых идеалов. В двадцатом веке, отмеченном торжеством трудолюбивого племса, мещанин стал постепенно изображаться иначе. Это маленький человек большинства, избиратель. Он верит в силу парламентаризма, в науку, в прогресс. Чаще всего он голосует за социал-демократов. Любовь его кончается браком. Он отдает долги. Он примитивно принципиален. При этом он еще и глотатель газет. А противопоставлялся этому человеку в толпе — сверхчеловек, свободный от узаконенной морали, признающий только одну разновидность силы — насилие, только

одну разновидность любви — себялюбие, издевающийся над болтливым парламентаризмом, над крохоборческими усилиями большинства осчастливить жизнь большинства. В девятнадцатом веке с мещанством воевало свободомыслие. В двадцатом веке в борьбу с мещанством вступает рвущийся к власти националистический социализм.

Теодор никогда не читал ни Ницше, ни Пшибышевского, ни Гамсуна, ни русских декадентов. В девятнадцатом веке он был бы шалопаем. В двадцатом веке он стал тем, кем должен был стать. Вряд ли он даже создавал, что ненавидит мещанство, — и ненавидел его. Ненавидел домашний быт, мелочные, повседневные заботы, жалкие, приказчиьи грезы Абрама Кемпфера, жалкие отвеченные рассуждения Александра Кемпфера, жалкие слова уккоризны, которые он каждый день выслушивал от матери. Теодор презирал свое коммерческое училище, тусклых и честных преподавателей, соучеников — и тех прилежных, кто уже целился на место в банке, и тех умных, развитых, кто объявлял себя эсдеком или эсером. Почему же он все это презирал и ненавидел? Потому что он алкал богатства, но не обладал ни смелостью, ни терпением, ни такой практической сметкой, которая не вступала бы в конфликт с уголовным кодексом и всеми десятью заповедями. Он алкал общественного блеска, но не было у него ни ума, ни способностей. Цели его не были ясны ему самому, но он чувствовал, что достигнет их только обходным путем. Он говорил таким же, как он, завсегдатаям магазина восточных сладостей Назароглу:

— Помешались на идеях. Болтуны, идиоты. Я не то что идею — родную маму продам за туфли "джимми" или пальто "реглан".

Станным местом был этот магазин восточных сладостей. Публика, заходящая сюда выпить стакан сельтерской с шербетом, не подозревала, какие темные дела творились в задних комнатах, где хорошие девушки варили халву и рахат-лукум. Говорили, впрочем, что они составляют гарем хозяина, горбуна Назароглу, не то турка, не то грека неопределенного возраста. Во всяком случае, две из них как-то из-за него подрались — их визг и площадная брань перешли из задних комнат в магазин. Назароглу (его у нас называли Назаркой, и он к этому привык) спокойно смотрел на драку, здоровался чуть заметным, но учтивым движением густоволосой головы с входившими покупателями и равнодушно бормотал:

— Тише, Надичка, не надо, Маничка.

А когда Надичка и Маничка, одержав друг над другом пиррову победу, удалялись, он так же равнодушно бормотал: "Скандаль баба любит", как будто это его не касалось. И, впервые увидев его большие выпукломатовые глаза, безвольные руки, всегда опущенные ниже колен, вялую, но отнюдь не медленную походку, вы бы подумали: его в этом мире ничего не касается. А между тем его день был наполнен делами и делишками, таинственными, стремительными, этот вялый уродец с длинными руками поспевал повсюду, и ничего нельзя было прочесть в его недвижных матовых глазах.

Молодые бездельники, спекулянты, скупщики и поставщики краденого, налетчики и кокаиновые очень любили задние комнаты магазина восточных сладостей. Ходили слухи, что туда частенько заглядывают и более серьезные люди. Об этом вспоминали потом,

после нэпа, когда Назароглу в течение нескольких лет оставался единственным в городе владельцем частного предприятия.

Теодора однажды там избили, и его румяное, свежее лицо было на две недели изуродовано сине-красными отеками. После этого маловеселого события он исчез и появился в городе вместе с добровольцами. На нем была папаха, черкеска и золотые погоны. Он всем, даже нам, мальчишкам, смотревшим на него с восторгом и завистью, показывал визитную карточку: "Барон Теодор Рафаэлевич Кемпфер". Над надписью, в углу, — изображение кольчуги с крестами, видимо, герб. Теодор сорил колокольчиками*. Иногда, как почтительный и удачный сын, он прогуливался с матерью, полуглухой и страдающей тиком, по приморскому бульвару и представлял ее новым знакомым-офицерам:

— До сих пор не может прийти в себя: большевики сожгли наше родовое поместье в Лифляндии.

В доме Чемадуровой поговаривали, что Назароглу купил у него за бешеные деньги чемодан с кокаином.

Глава третья

Смена временных правительств сказывалась на доме Чемадуровой сменой жильцов, иногда тоже временных.

При первых большевиках поселились рядом с Лоренцами мадам Варути с сыном Володей, ровесником Миши. Говорили, что она была не то содержанкой, не то гражданской женой румынского коммерсанта, который во время революции бросил ее и убежал в Бухарест.

Она утверждала, что пела в опере, но злые наши языки брезгливо роняли: шансонетка.

Она кое-как перебивалась уроками пения, довольно редкими, перепиской нот, распространением билетов на симфонические концерты. От прежней безбедной жизни она сохранила серебряную сумочку в виде густой сетки, кольцо, две золотые вилки и такую же ложку в изящной коробке. Седоусый хмурый поляк, оценщик в ломбарде, хорошо знал эти вещи. Ее гордостью были также подлинный этюд Куинджи и чучела разных птиц, собранные в раме под стеклом.

Высокая, большеротая, худая, она всегда одевалась во все черное: черная соломенная шляпка, черное платье, черная вуаль с мушками. И лицо у нее было смуглое, почти черное, с родинками, — казалось, будто мушки перешли с вуали. "Пиковая дама!" — кричали ей вслед мальчишки; автором этого прозвища, довольно меткого, была Зинаида Моисеевна.

В голодный год мадам Варути торговала бубликами, тайно выпекаемыми изворотливыми частниками, не осложнявшими свою жизнь регистрацией в финотделе. Босиком, в старом муаровом платье, в вуали, она ходила по дворам с большой плетеной корзиной, покрытой белоснежным полотенцем, подолгу болтала с хозяйками и с какой-то печальной кичливостью говорила: "Мой муж, знаете ли, был ужасный ловелас", — и при этом глаза ее вспыхивали рамповым огнем. И соединение босых грязных ног, вуали, слова "ловелас", произносимого с мягким "эль", вызывало не улыбку, не жалость, а — странно сказать — уважение. У нее был приятный грудной голос, хотя и несколько хриплый.

*Колокольчиками назывались денежные купюры, выпущенные Добровольческой армией.

Продолжение следует

Александр АВАНЕСОВ

Родился в 1968 г. в Баку. Стихи пишет с детства. Автор поэтических сборников "Мне знакомы споры с судьбой", "Аккорды нежности". Член Литературной студии "Откровение".

Не говорите громко о войне

Не говорите громко о войне.
Патетика здесь вовсе не нужна.
Пройдя ее, солдат кричит во сне.
Такая вот история — война.

А лейтенант, подняв под пули взвод,
В атаку устремился в тишине.
Усталым криком замер в бронзе рот,
А он остался там, — на той войне.

В горах сорвался в пропасть рядовой.
И зубы сжав, ворвался в тишину.
И молча плакал капитан седой,
Как будто чувствуя свою вину.

А госпиталь безудержно стонал.
От боли, злости, страха и потерь.
Хирург курил устало и молчал,
Плечом опершись о входную дверь.

Кричала болью даже тишина.
Не говорите громко о войне.
Такая вот история — война.
Пройдя ее, кричит солдат во сне.

Романтика войны

Романтика войны, романтика атак.
И подвиг, и медаль, а может быть, и орден.
И если ранят вдруг, — ранение пустяк,
Но ты уже герой, уже бывалый воин.

Романтика войны, для тех, кто не страдал,
Для тех, кто никогда не слышал звука плоти,
Которая трещит, нарвавшись на металл,
Звук, непривычный нам, как и самой природе.

Романтика войны, романтика атак.
А слезы матерей, а сироты и вдовы?
И не найти, поверь, не увидеть никак, —
Романтику войны в грязи, слезах и крови.

Другу

Иногда тебя трудно бывает понять.
Да, порой, нелегко тебе верить.
Но Господь так решил — наши жизни связать,
И одну на двоих нам отмерить.

Чище нет, чем скупая мужская слеза
Без слюнякства, — придет и очистит.
Это дождь по лицу, это в сердце гроза,
Это водки глоток в глотку вылит...

Вряд ли наши потери удастся забыть.
Те, кто честью клялись, предавая,
Нас учили, как жизнь эту надо любить,
По кускам от души отрывая...

Мы делили еду, мы делили тепло,
Мы ругались, мирились, мечтали...
Знаешь, может быть, что-то с годами ушло,
Но ведь что-то мы в жизни познали...

***

С. Н. Б.

Они уходят. Просто и степенно.
С собой уносят капельку тепла.
И сердце остывает постепенно,
Как у костра погасшего зола.
Они уходят. Просто и степенно.
Напоминая после всякий раз,
Что в жизни этой все, конечно, тленно,
И участь ждет подобная всех нас...

Букет

Отпив глоток хорошего вина,
Чтоб полностью раскрыть его букет,
Должна немного длиться тишина,
И может быть не очень ярким свет.

А мне б стихи такие написать,
Чтобы от них повеяло
теплом,
И ты, читая их, смогла понять,
Что капельку тепла
принес я в дом.

Пускай немного длиться тишина,
А аромат прочитанных стихов
Объединит мелодию вина
С не очень ярким светом нежных слов.

Вечные дела

Давай отложим вечные дела,
И никуда сегодня
не пойдем.
Нальем в бокалы терпкого вина,
И вместо лампы две свечи
зажжем.

Ты посмотри на огонек свечи,
Через бокал с рубиновым
вином.
Ты видишь? Так рождаются лучи,
Нас радуя и светом и теплом.

Давай поговорим о том, о сем...
А, впрочем, будут лишними
слова.
Мы никуда сегодня не пойдем!
Давай отложим вечные дела

Детский уголок

Юрий Энтин

"Что за дети, нынче..."

Что за дети нынче, право -
Никакой на них управы.
Мы свое здоровье тратим,
Но на это наплевать им.

Такая-сякая
Сбежала из дворца!
Такая-сякая
Расстроила отца!

Нынче детям много ль надо?
Им бы танцы до упаду!
Им бы песни до рассвета,
А до нас им дела нету!

Такая-сякая
Сбежала из дворца!
Такая-сякая
Расстроила отца!

Дети - наше наказание,
Дали им образование -
Стали дети непослушны,
Но без них ужасно скучно.

Такая-сякая
Сбежала из дворца!
Такая-сякая
Расстроила отца!

А мне летать охота

Я Водяной. Я Водяной,
Поговорил бы кто со мной.
А то мои подружки -
Пивяки да лягушки.

Эх, жизнь моя жестянка...
Да ну ее в болото!
Живу я, как поганка,
А мне летать охота!
Я Водяной. Я Водяной.
Никто не водится со мной.
Внутри меня водица.
Ну что со мной водиться?

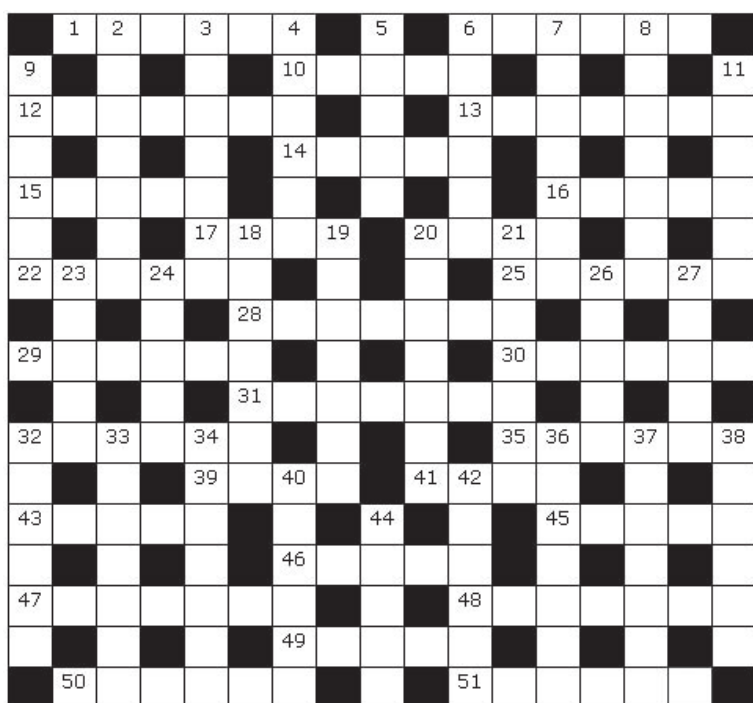
Гадательная разбойная

Говорят, мы бяки-буки...
Как выносит нас земля?
Дайте что ли карты в руки
Погодать на короля.

Завтра дальняя дорога
Выпадает Королю.
У него деньжонок много,
А я денежки люблю.

Короля, эх, карта бита,
Бит и весь его отряд.
Дело будет шито-крыто!
Карты правду говорят!

Вуаля! Вуаля!
Завтра грабим короля!
Ой-ля-ля, Ой-ля-ля,
Ех-ха!

Кроссворд

По горизонтали: 1. Украинский автомобиль. 6. Крайняя печаль. 10. Сорт конфет. 12. Штат в Мексике. 13. Старинный духовой музыкальный инструмент. 14. Наметенный вьюгой сугроб, преграждающий путь. 15. Город в Пермской области. 16. Соленая и провяленная хребтовая часть красной рыбы. 17. Конец, капут. 20. Старинная русская мера длины. 22. Новая вещь. 25. Католический монах. 28. Яхта-катамаран международного класса. 29. Турецкий пехотинец. 30. Имя английского поэта Браунинга. 31. Титул принцесс в Испании и Португалии. 32. Мягкая толстая подстилка на кровать. 35. Небольшая узконосая обезьяна. 39. Отец. 41. Шулерская разметка рубашек игральных карт. 43. Шариковая .... 45. Животное, символ отшельничества, благочестия и чистоты в христианской культуре. 46. Кавказский хлеб. 47. Книга с записями имен умерших для поминания их во время богослужения. 48. Подставка для приборов. 49. Орудие для пахоты. 50. Российский актер ("Полосатый рейс", "Джентльмены удачи"). 51. Садовое растение.

По вертикали: 2. Русская крепость на берегу Амура, основанная русским землепроходцем Ерофеем Хабаровым. 3. Трагедия Якова Княжнина. 4. Североамериканская ящерица. 5. Высшая мера наказания. 6. Период сдачи экзаменов в институте. 7. Отбросы, негодные остатки. 8. Прежнее название Вроцлава. 9. Оконное .... 11. Установленный порядок поведения. 18. Форма, применяемая для отливки типографских литер. 19. Прижизненное уменьшение размеров органа, сопровождающееся нарушением или прекращением его функций. 20. Орган движения рыбы. 21. Картина с объемным передним планом. 23. Надменный чиновник. 24. Работник, ухаживающий за овцами. 26. Луковица чеснока. 27. Буква латинского алфавита. 32. Вид атмосферных осадков. 33. Подводное .... 34. Добровольный отказ от права или от собственности. 36. Торжественная заключительная массовая сцена театрального представления. 37. Вид барометра. 38. Тонкая плотная шелковая ткань. 40. Генерал-лейтенант, герой Отечественной войны 1812 года. 42. Руководитель университета. 44. Старинное многоствольное орудие.

Ответы на кроссворд в газете «Доброе дело» № 46

По горизонтали: 1. Сепаратист. 6. Укулеле. 10. Агорафобия. 18. Антимонид. 19. Океанолог. 20. Результат. 21. Басня. 22. Стеснительность. 23. Шашни. 28. Скалярня. 30. Джинн. 32. Калан. 34. Путаница. 39. Ежегодник. 43. Керчь. 45. Острожник. 48. Выгла. 49. Баски. 50. Обьедала. 51. Русло. 52. Нектарин. 54. Тахта. 55. Раиса. 57. Далматово. 59. Гуава. 60. Ревматизм. 62. Виктория. 65. Ситар. 67. Шатун. 69. Индуктор. 75. Треух. 76. Севастопольская. 79. Майор. 84. Фиоритурра. 85. Император. 86. Амальгама. 87. Смертность. 88. Караван. 89. "Эсмеральда".

По вертикали: 1. Свая. 2. Потрава. 3. Румыния. 4. Тень. 5. Судеты. 7. Кнели. 8. Ланцет. 9. Лилль. 11. Горсть. 12. Риза. 13. Фалбала. 14. Ботинки. 15. Ялта. 16. Корсаж. 17. Угроза. 24. Истец. 25. Миннеаполис. 26. Пустяковина. 27. Тачка. 29. Лог. 31. Никарагуа. 33. Альборада. 35. Нож. 36. Акватол. 37. Тристан. 38. Соинари. 40. Евбул. 41. Омега. 42. Ежиха. 44. Остин. 46. Опара. 47. Наири. 53. Вдова. 56. Амбре. 58. Мыт. 61. Тюк. 63. Караоке. 64. Окулист. 66. "Италия". 68. Усури. 70. Усадьба. 71. Тропарь. 72. Декарт. 73. Спарта. 74. Каданс. 77. Топка. 78. Латка. 80. Эфес. 81. Сумо. 82. Ааре. 83. Фара.

Вниманию соцработников и клиентов!

С 1 августа
подгузники и пеленки выдаются
только по предъявлению
пластиковой карты
клиента Хеседа.

Все, кто имеет возможность
помочь малоимущим людям,
направляйте, пожалуйста, свои взносы
по адресу:

Украина, 65023, г. Одесса,
ул. Нежинская, 77/79.
БФ "Хесед Шаарей Цион"
код ОКПО 34321888
р/с 26003321218601 АБ "Пивденный"

Новому филиалу
аптеки фирмы ООО «Фармация»
в г. Ильичевске - поставщику
медикаментов для Хеседа - срочно
требуются

фармацевты, провизоры и
медицинские консультанты,
проживающие в г. Ильичевске.
Обращаться по телефону:
720-51- 68.

ВНИМАНИЕ!

Шахматная студия

Культурного центра
БФ "Хесед Шаарей Цион"
проводит

женские шахматные
турниры.

Приглашаем участниц всех
возрастов.

Турниры проводятся по
воскресеньям
с 11.00 до 13.00

в помещении Хеседа
(ул. Нежинская, 77/79, каб. 214).
Тел. 725-17-60

Юридические консультации

по вторникам с 13:30 до 16:30
в каб. № 227 (кабинет волонтеров)
проводит волонтер-юрист
Тарасенко Яна Петровна

Єєòàðàòòòóíàÿ ñòòáëÿ
"İòêđîââíèà"

приглашает поэтов.

В программе: основы стихосложения, творчество
поэтов — классиков и современников,
творческие вечера.

Заседания проводятся

в Культурном центре БФ "Хесед Шаарей Цион" по средам в 14.00.

Адрес: ул. Нежинская, 77/79

ВНИМАНИЕ I

При БФ "Хесед Шаарей Цион" продолжает работу Общественная приемная,
куда можно обратиться с жалобами, предложениями и советами
по вторникам и пятницам с 10.00 до 14.00
(ул. Нежинская, 77/79, 2-й этаж, кабинет №227 "Волонтеры").

ПОЗДРАВЛЯЕМ ЮБИЛАРОВ – КЛИМЕНТОВ БФ "ХЕСЕД ШААРЕЙ ЦИОН"

Со 100-летием

Касай Тахтар Али

С 95-летием

Шапиро Голду

С 90-летием

Домбровскую Милитину

Кузьмину Антонину

Мединскую Изабеллу

Нырко Екатерину

Файнштейна Бориса

С 85-летием

Захарченко Марту

Зильберштейн Ольгу

Кравец Софию

Ливерант Елену

Оборскую Цилю

Ойстрах Галину

Штейнберг Валентину

Штейнберг Милю

С 80-летием

Абарбарчук Софию

Бирюкову Любовь

Гольденштейна Михаила

Керцмана Михаила

Кравчик Анфису

Левина Анатолия

Мясковскую Геню

Нефедову Марию

Опенгейм Иду

Сагальян Бетю

Успенскую Елену

Хайтер Александру

ПОЗДРАВЛЯЕМ ИМЕЧНИЧКОВ – ВОЛОЧЕРОВ БФ "ХЕСЕД ШААРЕЙ ЦИОН"

Агнянникова Сергея

Баташева Олега

Вайнштейн Анетту

Вайншток Мару

Городисского Владимира

Ерецкого Бориса

Казимирскую Елену

Клейман Зою

Крейдерман Анну

Куприянову Эмилию

Левенберг Надежду

Лейдикера Леонида

Лейченко Ларису

Мирошниченко Людмилу

Полищука Мирослава

Практ Ольгу

Сапожникову Викторину

Шамрай Людмилу

Улыбка

— Хаим, ты слышал новость?
— Ну?
— В зоопарке родился слонёнок!
— А как это отразится на евреях?

— Скажите, вы на следующей выходите?

— Да.

— А впереди вас?

— Да.

— А вы их спрашивали?

— Да!

— И что они вам ответили?

— Мадам Ицкович, а что это вы так мало кушаете?

— Берегу фигуру!

— Ой! Чтобы сберечь Вашу фигуру — надо кушать,
кушать и кушать!

— Что это была за станция?

— Одесса.

— А почему мы так долго стояли?

— Тепловоз меняли.

— Меняли? А на что?

— Как «на что»? На тепловоз!

— И что, поменяли?

— Да!

— Так на так?! Не-ет, это была не Одесса!

— Ребята, сегодня мы изучаем степени сравнения
прилагательных. Чтобы было ясно, я сразу приведу
примеры. Берем слово «хорошо». Сравнительная степень
— «лучшее», превосходная степень — «очень хорошо», и
степень, которая ни с чем не сравнится — «чтоб я так жил!»
Понятно? Тогда возьми, Мона, слово «плохо» и сделай с
ним то же самое!

— Хужее.

— Прекрасно! Давай превосходную степень.

— Очень плохо.

— Великолепно! Ну, и последняя степень?

— Чтoб вы так жили!

— Соломон Моисеевич, вы как самый старый адвокат
в нашем городе, назовите самый удачный день в вашей
карьере.

— Самый удачный день был, когда я выиграл пять судов
подряда.

— Но я слышал, другие адвокаты выигрывают за день и
больше!

— Молодой человек, в тот день я выиграл в карты пять
судов у директора Одесского морского пароходства!

— У меня для вашей дочери есть чудесный жених. Но у
него один маленький недостаток: заикается.

— Что, всегда?!

— Упаси Боже! Только когда говорит.

— Милая, мне сказали, что ты мне изменяешь.

— Неправда!

— Да ещё и с пожарным.

— Ну, это уже совсем неправда!

— Рабинович! Я слышал, вы стали импотентом. Ну, и
как вы себя чувствуете?

— Сказать честно? Как гора с плеч!

— Рабинович дома?

— Он на даче...

— Как, он купил дачу?

— Нет, он на даче показаний.

— Господин Рабинович. Учтите, вы сейчас в таможене.
Говорите, откуда прибыли?

— Какие прибыли, что вы? Одни убытки...

Учредитель и издатель —
БФ "ХЕСЕД ШААРЕЙ ЦИОН" (г. Одесса)

Некоммерческое издание. Распространяется бесплатно.
Реклама и объявления публикуются бесплатно.
Индекс издания — 09720

Свидетельство о госрегистрации 1153-34-Р, серия ОД, выдано 7 июня 2006 г.

Отпечатано в Одесской типографии ООО "ВМВ", ул. Добровольского, 82-а

Тираж — 2500 экз. Зак. №

Главный редактор
Семен ВАЙНБЛАТ
Редакционная коллегия:
А.Креймер, Ф.Мильштейн
Компьютерная верстка
И. Глаголевский

Присланные материалы
не рецензируются и не возвращаются.
Переписка с читателями —
только на страницах газеты.
Редакция оставляет за собой право
редактировать
и сокращать присланные материалы.
Ответственность за точность
фактов несут авторы

Адрес редакции:
65023, Одесса, ул. Нежинская, 77/79
Почтовый адрес:
65045, Одесса, а/я 110
Тел.: 737-40-12
E-mail: hesed.odessa@gmail.com